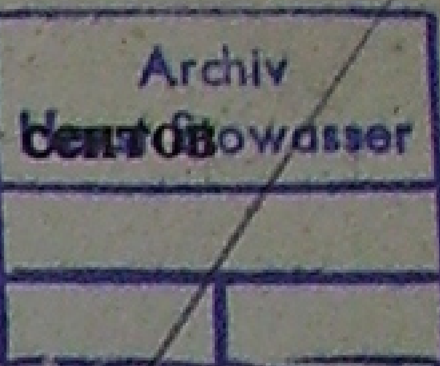
Anarcho-Archiv

№ 42 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 центов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-СЕНТЯБРЬ 1953 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	29-й год издания

КРЕМЛЬ НА ЗЫБКОЙ ПОЧВЕ

События, происходящие в Кремле, не протекают по общепринятому порядку смены правительства и его главы, а идут по особому, ему лишь одному свойственному ходу, плюс засекреченность истинных мотивов всех событий и скрития их от гласности, внешний мир строит догадки, предположения и делает (порой близкие к истине) прогнозы на будущий их ход развития.

В начале, да и сейчас, комментировался вопрос о преемственности—кто после Сталина. В этом уже видно было (что и не удивительно) незнание западным миром истинного положения, как раньше, а особенно, создавшегося после смерти диктатора, в настроениях и тенденциях внутри самой правящей партии коммунистов, так и народа страны советов и их сателитов.

Уже сама смерть Сталина (нужно полагать, что в недалеком будущем ясность ее будет вынесена наружу), говорит за то, что внутри самой партии, а не только ее правящей клики, имеются какие то процессы нарастания движения против диктатуры, как Сталина в прошлом, так и вообще против диктатуры личности. Это подтвердилось в скором времени после смерти Сталина на страницах "Правды" и "Известий," в статьях с которых видно, что партией взят курс на коллективность в управлении, т. е. на диктатуру партии в лице ее Ц. К. а не личности вождя.

В правительственной прессе Кремля помещались выдержки из доклада Ф. Константинова, посвященного развенчанию роли личности в истории и доказательству того, что история творится не личностями, а народом. Это говориться на страницах той же советской печати, которая до смерти Сталина трубила, вдалбивая в головы как партийцам, так и всему народу, что личность—Сталин "кормчий революции," "вождь всех народов," "мудрый из мудрых," "благодетель человечества" и пр., и тут сразу такой крутой поворот — "поклонение вождям является характерной особенностью буржуазной философии и ведет к фашизму."

Это называется, что "фельдфебельская вдова сама себя высекла." Что это, смешное или трагическое? Да, это и смешно и трагически. Смешно в том, что партия, управляющая такой огромной страной и ее сателитами, вчерашние, трактуемое ею как белое, сегодня называет черным и наоборот, ведь же это хамелонство не поддающееся названию. Трагическое же в беспринципности теоретических обоснований вещей и положений в зависимости от потребностей сегодняшнего дня для достижения цели, т. е. для удержания себя во власти, воистину—цель оправдывает средства. Тут уже видно, что о диктатуре личности (во всяком случае на сегодняшний день и в той форме, в которой она была при Сталине), вопрос не стоит, а ставиться вопрос о закреплении самой партии и ее диктатуры, называя это "колле-

гиальностью." Видно также и то, что в самой партии не все обстоит благополучно, что в ней имеются "трещины," разрывающие ее монолитность так пугающую правящую партийную верхушку. В обращениях партии и правительства (а это две медали одной и той же монеты) видно, что в народе страны советов и его сателитов не все обстоит гладко, и чтобы загладить имеющееся шероховатости, т. е. наличие недовольства в народе и не дать назреванию какой то народной силе, грозящей режиму, партия, в лице правительства, вынуждена делать какие то подачки, смягчения, реформы и прочие акты задабривания, которые, как и вообще у партии большевиков-коммунистов, носят обманноложивый характер, усыпляющий недовольство народных масс.

Восстания в Восточной Германии и Чехословакии, поднятые самими же рабочими, вскрывают пред всем миром ложь коммунистических правительств в заботе о трудящихся и их благосостоянии, опровергают всю лживость пропаганды Кремля о хорошей жизни, которую партия коммунистов дает народу. Ведь это удары по самой партии, снятие маски с ее подлинного лица, разоблачение лжи теми, чьим именем они прикрываются. Это протесты рабочих, что они не хотят быть государственными рабами, которыми их делает партия коммунистов.

Что в самой партии имеются "трещины" и нарастают процессы, бывшие при жизни Сталина в "инкубационном периоде," говорит многое: призыв Ц. К. партии к монолитности рядов, к борьбе с разбродом, присяга верности партии, а показательнее всего арест Берии с возведением на него всех тех обвинений, которые приписывались тем в прошлом, что шел против господствующей на сегодняшний день линии партии, агент буржуазии, изменник родины.

Уже сам арест Берии, члена послесталинского "триумвирата," за которого ратовали те же, что его арестовали, говорит за то, что его (Берии) оппозиционных настроений не знали, а что он возглавлял какую то оппозицию в партии: толи против личности Маленкова, толи хотел стать сам диктатором партии и страны, толи это то другое, что скрывается Кремлем, но что это была внутрипартийная оппозиция, это факт.

Ясно и то, что Берия был не один, а имел сторонников в партии, а где гарантия, что в партии не имеется оппозиций другого характера. Как ни стремится верхушка партии, в данное время возглавляемая Маленковым, загладить "трещины" нельзя с уверенностью сказать чтобы это ему удалось. Если же нет, то так называемые внутрипартийные трещины, будут расширяться, а рост их пробудит народные силы, которые потребуют своего, т. е. или совсем могут отстранить партию от управления страной, или же потребуют таких реформ, проведение в жизнь которых сведет роль правящей партии к нулю.

При жизни Сталина вопрос навязывания диктатуры народу стоял проще — опора на "опричину" в лице Г.П.У., Н.К.В.Д., М. Ч.Б. и их войск. Сейчас же, когда сам глава опричников арестован, опору пришлось менять: партия ищет опоры в армии в лице ее командной верхушки. "Опричники" — это были добровольцы, ничего не имевшие общего с народом (да и то не совсем), а армия — это мобилизованные, это народ, т. е. палка о двух концах.

Основываясь на тех сведениях, которые проникают из-за "железного занавеса," и на основании их делая логические выводы, можна сказать, что бывшие под спудом оппозиционные настроения в партии, приобретают какую то жизненность, что народ просыпается от давящего его гипноза пропаганды и страха и что в народе нарастает сознание собственной силы, и отсюда и сопротивление режиму. Можно надеяться, что тирания Кремля будет взорвана изнутри, назревшей народной силой. В какой форме это произойдет и когда, этого сказать никто не сможет, да и странно бы было предсказывать формы и сроки, но что это будет, за это говорит логика событий, происходящих как в Кремле, так и в народных массах ему подвластных.

Сургутов.

"БЛАГОДЕЯНИЯ" МАЛЕНКОВА

Все диктаторы, придя к власти, стараются "облагодетельствовать" своих подданных. Еще А. С. Пушкин отметил эту своеобразную черту:

"Едва царем он стал
Как разом начудесил:
120 человек в Сибирь сослал,
А пятерых повесил."

Николай I своей расправой с декабристами хотел, конечно, "облагодетельствовать" народ, сокрушить "крамолу" и дать "счастливую жизнь..."

Новый советский диктатор Маленков сра-

зу же после смерти Сталина тоже начал "чудесить." Указ об амнистии, снижение цен, освобождение и полная реабилитация врачей, обвиненных в покушении на жизнь "вождей," лишение ордена доносчицы на этих врачей, арест заместителя министра внутренних дел, театральная патетика по поводу "нарушения нашей конституции,"— впервые не "Сталинской," а "нашей" конституции! — все это может сбить с панталыку людей, не знающих природы большевизма. Действительно, может сложиться впечатление, что молодой диктатор проводит "реформы," направленные на улучшение положения трудящегося люда, что он заметил первым произвол и насилие и старается исправить ошибки "бессмертного," который, мол, "не видел," "не замечал" этого.

Некоторые восторженные борзописцы из пробольшевицкого лагеря уже подняли гвалт по поводу новых "благодеяний" и "проникновенным" взглядом увидели в маленковских "чудачествах" поворот диктатуры к нуждам населения. Реакция этих господ на "чудачества" нового диктатора только подтверждает то, что ничего нового после смерти Сталина ожидать не приходится. Народам Советского Союза маленковская редька не будет слаще сталинского хрена.

Возьмем хотя бы пресловутый указ об амнистии. Освобождению подлежат люди, осужденные на срок не свыше 5 лет. По советским законам пятилетнее заключение грозит за самые ничтожные проступки, ни в коем случае не могущие быть названными преступлениями. Указ таким образом освобождает *невинных* людей. Освобождению подлежат: женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет; беременные женщины; несовершеннолетние в возрасте до 18 лет; мужчины старше 55 лет; женщины старше 50 лет; страдающие неизлечимым недугом. Не нужно быть экономистом, чтобы видеть, что *пользы* от этих категорий заключенных нет никакой; освобождая их, МВД делает коммерческий оборот: зачем кормить стариков, больных и подростков, если от них все равно никакой работы не выжмешь? Пусть идут куда хотят и пусть их кормят родственники или знакомые! Они все равно были балластом в концлагерях и умерли бы без всякой пользы для экономики. Пускай идут умирать на свободе, за собственный счет. Амнистия же таким людям может быть использована в целях пропаганды внутри страны и для завоевания политического капитала заграницей, где в последнее время что-то уж очень настойчиво заговорили о принудительном труде в СССР.

Параграф указа у сокращении наполовину сроков наказания никого не может ввести в заблуждение, т. к. в концлагерях уже давно разработана система "довесков" — добавочных сроков за пустяковые проступки.

Однако есть среди миллионов заключенных категория здоровых, сильных и умелых людей, которая под амнистию попадает. Это — нарушители трудовой дисциплины, "прогульщики," "бракоделы," "саботажники," т. е. работники, не выповнявшие норм, колхозники, чем-нибудь провинившиеся перед начальством, разные "парикмахеры," срезавшие колоски на полях, трактористы и комбайнеры, вина которых заключается только в том, что из-за отсутствия запасных частей машины не работали. Эта категория будет выпущена, потому что она *необходима* на фабриках, заводах, в шахтах, на полях, на стройках. В последнее годы террор достиг таких размеров, что почти оголил все производственные и сельскохозяйственные участки. Вся промышленность Советского Союза и все, без единого исключения, колхозы, совхозы и стройки испытывают совершенно невообразимый недостаток рабочей силы. Из-за этого постоянно срываются промышленные платы, а в колхозах гибнет урожай и падает скот от бескормицы. Выпущенные из лагерей рабочие и крестьяне вынуждены будут пойти на заводы и в колхозы и помогут своими силами несколько преодолеть постоянное отставание советской экономики. В этом отношении большевики поступают безусловно правильно: зачем держать в заключении специалистов, если они могут больше пользы принести на свободе? Надо полагать, что это мероприятие было выработано еще до смерти "бессмертного," но Маленков умело использовал козырь для своей игры.

К политическим заключенным амнистия совершенно не относится. Уже одно это доказывает яснее ясного, что никаких изменений во внутренней политике с приходом нового диктатора не произошло и не произойдет.

Освобождение *ни в чем не виновных врачей*, у которых "недопустимыми методами" было вырвано признание в отравлении Щербакова, Жданова и других кремлевских богдыханов, только лишний раз разоблачило приемы Лубянки. Если совершенно невиновные врачи сознались в убийстве, то чего стоят все "признания," начиная с процессов

"Промпартии" и кончая миллионами граждан, томящихся и по сей день в концлагерях? Эти "недопустимые методы" научно разработаны, безусловно, не без санкции самого "корифея науки" и не могли быть не известны его "верным ученикам." Но раньше Лубянские палачи получали за применение этих методов ордена, а теперь садятся на скамью подсудимых. В чем дело?

Все "чудесии" Маленкова объясняются одним: после смерти Сталина внутри страны возникло такое напряжение, что его потребовалось разрядить любыми мерами. Отдушина антисемитизма, которую пытались использовать в Кремле, не помогла: народ не пошел на поводу у новоявленной "черной сотни." Не помогла и бешеная антиамериканская пропаганда: народ не забыл ни помощи АРА, ни вкуса американских консервов в голодные фронтовые дни. Поэтому в ход пустили пряники амнистии, снижения цен, "права советского человека" и т. п. Но народы России и народы запада знают волчий оскал большевизма, понимают действительный смысл событий. И самое главное понимают угнетенные народы СССР: большевизм ослабел, диктаторы катятся в пропасть. Россия еще тиха. Но это затишье перед бурей.

Гр. Сомов.

АНАРХИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РЕВОЛЮЦИИ

"Большевики создали то, чему учил Бакунин." Фразу эту произносят многие государственники — политические противники большевиков, начиная от монархистов и кончая социалистами-меньшевиками (слова эти пришлось прочесть на страницах "Соц. Вестника" в статье П. Берлина). И произносят с той целью, чтобы понося большевиков, заодно очернить и Бакунина, как личность, а также и то, чему он учил, т. е. анархизм.

Соответствует ли подобное утверждение действительности? Верно ли, что большевики создали то, чему учил Бакунин? Нет, неверно. Бакунин отрицал всякую (даже "хорошую") власть и государство, большевики же создали самую жестокую власть и самое деспотическое государство. Принцип самостоятельности у Бакунина доходит до своего логического конца — до отдельной личности, у большевиков же никакой самостоятельности нет: все регулируется верхушкой из центра. Бакунин безоговорочно отрицал всякий авторитет, большевики же довели этот принцип до нелепости: "я есть Господь Бог твой, да не будет у тебя других Богов, кроме меня" — проносится в мыслях каждого гражданина СССР, при взгляде на портрет вождя. Бакунин отрицал наемный труд и заработную плату, большевики же практикуют все это в самых худших формах. Заработная плата назначается самопроизвольно государством без согласия рабочих, система же наемного труда в некоторых отношениях по своей потогонности превосходит даже капиталистические нормы (стахановщина). Бакунин был против частной собственности, большевики же лишь одно слово — "частная" — заменили другим — "государственная," — отчего собственность не перестала быть собственностью. Бакунин отрицал религиозные предрассудки, большевики же в конце концов и это санкционировали. В "социалистическом отечестве" открытие мощей (не Ленина и Сталина, а настоящих "святых мощей") идет таким же порядком и, пожалуй, таким же темпом, каким оно шло в царской России, о чем свидетельствует выходящий в Москве "Журнал Патриаршей Церкви." Бакунин говорил, что земля должна принадлежать тем, кто ее личным трудом обрабатывает, большевики же отняли землю у тех, кто ее обрабатывает, и передали государству, которое не сеет и не жнет, но тем не менее урожай забирает. Бакунин отрицал всякое идолопоклонство, у большевиков же при жизни Сталина этот культ практиковался в самых широких размерах. Бакунин отрицал суд, тюрьмы, полицейские застенки, большевики же не только все это сохранили, но возродили и средновековые пытки. Бакунин отстаивал абсолютное равенство ("мы — разные, но — равные"), у большевиков же царит полнейшее неравенство, как в оплате труда, так и в смысле социального положения.

Одним словом, то, чему учил Бакунин, и то, что создали большевики, это — день и ночь. Не только полного сходства, но даже приблизительного подобия нет. Единственно, в чем находит оправдание приведенная в начале статьи фраза, — это в лозунгах выставленных большевиками в окрябрьские дни. В лозунгах этих действительно много "чему учил Бакунин." Но лозунги сии нисколько не унижают учение Бакунина, на-

оборот, — возвышают его. Тот факт, что большевики победили при помощи анархических лозунгов, дает полное основание утверждать, что анархизм как раз и есть тот общественный идеал, к которому (пусть несознательно, инстинктовно) стремятся все обездоленные. Население не пошло ни за монархистами, ни за буржуазными партиями, стало быть то, что предлагали эти партии, — не по душе населению. Не пошло бы оно и за большевиками, если бы они открыто заявили, что они создадут то, что впоследствии, действительно, создали. Население пошло за анархическими лозунгами, поэтому анархизм и чаяния населения — совпадают. Это особенно важно отметить, потому что анархизм часто окрашивают — умышленно или по неведению — в цвет фантазии. (Красивая сказка, дескать, и больше ничего). Если бы анархизм, действительно, являлся фантазией, а не входил корнями глубоко в жизнь, то как бы мог он пленить и прельстить население во время революции?

Никто, конечно, не станет утверждать, что чаяния населения сводились к торжеству принципов анархизма в таком виде, как их понимал Бакунин. Подобных требований не могло быть по той причине, что население в результате чрезмерной опекаемости со стороны власть имущих не имело представления об анархизме, а если и имело, то в превратном виде. (Вспоминается детство в глухой деревне. Среди крестьян ходило много толков о революционных событиях 1905 г. По этим толкам революционеры — это те люди, которые прячутся в лесах или же на полях во ржи густой, т. е. преступный элемент. Все это был результат "обработки" простого населения, как с церковного амвона, так и со стороны светских властей.) Требования населения в большинстве случаев были далеки от идеальной окраски; носили они по обыкновению прозаический бытовой характер: больше земли, больше хлеба и т. д. Веяло от них неподкрашенной обывательщиной, а иногда мещанством. Но требования эти, как к ним ни подходить и как на них ни смотреть, были справедливы. Этого никто не может отрицать. А где справедливость, там и анархизм. Кто борется за справедливость, тот борется за анархизм.

Еще понятно до некоторой степени пристегивание Бакунина к большевикам правыми элементами, для которых каждый человек, так или иначе подрывавший царский трон, тем самым уже, если не большевик, то негодяй (Характерно, что к этой категории лиц одно время присоединился было писатель Бунин, предавший анафеме не только М. Горького и А. Толстого, но также и Л. Андреева, Ф. Сологуба, А. Блока, В. Короленко и других только за то, что они не одобряли монархического строя). Но как объяснить отождествление Бакунина с большевиками теми лицами, которые называют себя марксистами (меньшевиками)? Им, несомнено, хорошо известно, как относился Маркс к Бакунину. Автор клеветы на Бакунина несколько раз перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что его учеников связывают с именем Бакунина. Объяснение, повидимому, приходится искать не в области конечных целей (марксисты несомненно знают, что цели Бакунина и цели большевиков — несовместимы), а в области осуществления этих целей. Меньшевики, эсэры, а также представители некоторых других социальных течений утверждают иногда, что они не против революции, как таковой, но они против той формы революции, какую ей придали большевики. Они хотели бы, чтобы революция проводилась чинно, по-джентельменски, в белых перчатках, а не путем насильственного захвата и путем разжигания низемных страстей среди населения (Бакунин, дескать, разжигал "низемные страсти," большевики — тоже).

Мы знаем, что большевики во время октябрьского переворота злоупотребили главным образом тремя анархическими лозунгами: 1) земля — крестьянам, 2) фабрики — рабочим и 3) долой войну. Если эти лозунги — "низемные чувства," то логически благородными чувствами приходится признать как раз противоположное: земля — помещикам, фабрики — их владельцам и — гром победы раздавайся! Конечно, "порядочные революционеры" не замедлят при этом сесть на своего излюбленного конька — Учредительное Собрание: оно, дескать, должно решить — что и как. Пожалуй, было бы не плохо, если бы рабочие и крестьяне получили то, что им нужно, по распоряжению Учредительного Собрания, но возможно ли это? Мыслимо ли, чтобы "порядочное" учреждение, состоящее из "порядочных" людей, занялось не очень "порядочными" делами — экспроприацией экспроприаторов? История подобного явления не знает. Кроме того, для созыва Учредительного Собрания и проведения его решений в жизнь (даже если допустить, что эти решения выгодны для населения) потребовалось бы месяцы, а то и годы; население же нуждалось в социальных

переменах немедленно, сегодня же. Получив то, что надо, население, быть может, заинтересовалось бы и таким делом, как Учредительное Собрание, но не раньше этого. Сначала — хлеб, потом — говорильня!

Утверждения, что раздача хлеба без санкций Учредительного Собрания — незаконна, не имеют никаких оснований. Да и несправедливы подобные утверждения. Незаконным можно считать лишь тот поступок, который совершается произвольно или же в силу капризов, но не тот, который диктуется суровой необходимостью. Если берет хлеб сытый, он поступает незаконно, ибо в хлебе он не нуждается, но если к хлебу протягивается рука голодного, тут нет ничего незаконного, ибо в данном случае хлеб равносилен спасению жизни человека. Всякое спасение жизни — утопающего ли, истекающего кровью раннего, или же голодного — законно. Голодный человек поступит незаконно лишь тогда, если он возьмет хлеба больше, чем ему нужно. С этой точки зрения захват земель крестьянами — акт вполне законный и справедливый. Крестьяне взяли то, в чем они нуждались, и взяли в количестве, не превышающем их потребностей. Анекдоты о дележе крестянами роялей, вытащенных из барских хоромов, так и остаются анекдотами.

Крестьяне шли к помещикам не ради рояля или дорогих гобелен, а ради земли. Психология крестьянина, быть может, лучше всего выражена в словах Горького. Увидя море, крестьянин восклицает: Эх, кабы не вода, а земля! Да чернозем бы! Да распахать бы!" Крестьянин ко всему подходит "с точки зрения земли." Ему нужна земля, остальным он не интересуется.

Нет ничего незаконного и в лозунге: "фабрики — рабочим." Если владельцы фабрик могут еще до некоторой степени предъявлять свои права на владение фабричными зданиями, построенными якобы на их деньги (откуда они взяли эти деньги?) то ничего подобного не может быть, когда речь заходит о тех предметах, которые производятся на фабрике. Производство всецело обязано рабочим, поэтому и должно принадлежать рабочим. Владелец фабрики (в случае признания, что он полезен и необходим на фабрике) может расчитывать лишь на некоторую часть, не превышающую часть рабочего. Большего ему не полагается.

Лозунг: "долой войну" несомненно считается наиболее уязвимым. Многие его относят к актам измены. Но что такое измена? Под изменой следует понимать отказ от выполнения своего обещания. Но разве солдат обещает воевать? Разве они добровольно идут в армию, а затем также добровольно начинают войну? Разве их не гонят туда насильно? Разве население страны не смотрит на войну, как на величайшее бедствие? Разве когда-либо бывает столько слез и рыданий, как в военное время? С этой точки зрения уход из армии — не измена, а естественное стремление каждого живого существа спасти свою жизнь. Иначе и воробья, попавшего в силок, а затем вырвавшегося на волю, пришлось бы назвать изменником и дезертиром.

А присяга, — скажут нам. Увы, присяга тоже есть акт насилия. Не добровольно солдат присягает — его принуждают к этому. Но ведь это, — заметят некоторые, — открытие фронта неприятелю. В ответ можно было бы спросить: а кто создал фронт — солдаты или правительства? Можно было бы также добавить: почему немецкий солдат, насильно гонимый на войну, должен считаться неприятелем? Но не будем ставить этих вопросов. Скажем лишь, что лозунг "долой войну" — как его понимают анархисты — относится не только к русским, но ко всем войскам, независимо от того, в какую военную форму они наряжены и на каком языке говорят. Анархисты никогда не были пораженцами в узком смысле этого слова. Пораженчество анархистов означает полное разложение всех армий — как "своих," так и "неприятельских." На земле мир, в человецех благоволение" — вот анархическое "долой войну." И таким понятиям, как "измена" или "неприятель" здесь совершенно нет места.

Повторяем, не этими высокими соображениями руководился русский солдат, уходя с фронта. Руководился он, прежде всего, инстинктом, присущим даже ничтожной букашке, — сохранения жизни, а затем — своими личными, на первый взгляд, непривлекательными интересами. Но осуждать его не приходится хотя по той причине, что и осуждающие, будь они на его месте, иначе не поступили бы. От опасности все и всегда бегут. Кроме того, из незначительных личных интересов иногда могут родиться великие идеи. Человек, добивающийся сегодня улучшения своего положения, завтра может придти к заключению, что его личное благополучие невозможно, пока на земле есть обездоленные. Они могут проникнуться сознанием, что как не может быть на пиру

веселия в присутствии хотя бы одного нищего в лохмотьях, так не может быть веселья в жизни при наличии униженных и обиженных. И сегодняшний борец за свои личные материальные блага завтра может стать борцом за великие общечеловеческие идеи. Так иногда рождаются отважные борцы.

Не только в русской революции, но везде, где идет борьба нового со старым, лучшего с худшим, прогрессивного с регрессивным, — везде можно уловить отблески анархических идей. Только один путь пролегает от рабства к свободе. И путь этот весьма прямой и очень важный. Не только анархисты, но все, так или иначе выступающие против несправедливого строя, тем самым становятся на этот путь. Увы, большинство разрушителей старого недолго остаются на этом пути. Порвав старые оковы, они в большинстве случаев сворачивают с широкого пути на боковую тропу, впадают в нерешительность или же принимаются ковать новые цепи. Так поступило Временное Правительство, намеревавшееся заменить монархический строй буржуазным. Большевики поступили еще проще: они не свернули на боковую дорогу, а пошли по главной, только в обратном напревлении — от свободы к рабству. И, к сожалению, благополучно пришли в то темное царство, из пределов которого даже в хороший телескоп нельзя разглядеть тех лозунгов, которые были развернуты в октябре 1917 г. Они отброшены и человечеству все еще приходится ждать того часа, когда действительно можно будет сказать: "сделано то, чему учил Бакунин."

Д. Автономов.

МАРКСИСТСКАЯ УТОПИЯ

Из области мечтаний и теоретической пропаганды осуществление социалистического идеала продвинулось к нам и стало ближайшею жизненною задачею. И если важно разобраться в вопросе о том, какие пути ведут прямее к цели и как лучше обеспечить победу, то еще важнее заняться тем, что делать *после* победы, чтобы результаты революции оказались наиболее прочными, а главное — чтобы они, действительно, повели за собою увеличение благосостояния и счастья людей. В настоящую минуту большинство социалистов (под этим названием я понимаю, как социалистов-государственников всех толков, так и анархистов) довольствуются в этом отношении провозглашением лозунга *"диктатуры пролетариата,"* рассчитывая, что остальное — само приложится. Им кажется, будто бы он означает, что общественною жизнью управляют рабочие, что они становятся сами строителями своих судеб, что при "диктатуре пролетариата" над ними нет больше эксплоататоров труда, ни вообще господ.

Самые слова "диктатура пролетариата" заключают в себе неясность: *диктатура* всегда — *неограниченная власть одного или немногих;* как же можно представить себе диктатуру целого класса? Только одним образом: класс управляет в лице своих представителей; *господствует,* собственно, *не он, а некто от его имени говорящий,* или избранный им, или просто считающий себя вправе действовать именем рабочих. Словом, *во главе общества становится* после революции *новая власть* — власть социалистической партии или одной какой-нибудь ее фракции, наиболее влиятельной—*и эта власть берет на себя устройство судеб рабочего класса.* Та часть пролетариата, которая сочувствует правящей партии, пользуется привилегиями —политическими и экономическими; вся же остальная масса не только не влияет на ход вещей, но и подвергается всяким стеснениям своей свободы и самодеятельности. В этом отношении *"диктатура пролетариата"* — такая же *фикция, как "власть народа" в современном демократическом государстве.* И все то, что можно сказать в смысле критики представительной системы правления, власти большинства, парламентского строя и т. д., в такой же мере приложимо и к так называемой *пролетарской диктатуре.* Поэтому-то так странно слышать нападки на демократический режим в Западной Европе и Америке со стороны тех, кто в свой политической идеал вводит решительно *все* те же самые недостатки — с прибавлением еще некоторых других, от которых западно-европейским рабочим ценою долгой борьбы удалось избавиться.

Откуда же взялось это понятие *"диктатура пролетариата"*? Понятие это — старое и более всего ошибочно было бы думать, будто бы оно родилось из жизни, из опыта русской революции: *оно — происхождения чисто-книжного и вытекает исключительно из марксистской теории в том виде, как она*

была провозглашена еще в 40-х годах XIX века.

В основе понимания истории человечества с точки зрения марксизма лежит, как известно, мысль, что вся история представляет собою борьбу различных классов, сменяющих друг друга и оспаривающих друг у друга господство в обществе; смена же эта происходит в силу того, что совершенствуется техника и растут производительные силы общества и каждому моменту этого развития соответствуют свои классы. Например, когда общество живет главным образом земледелием, а промышленность и торговля мало развиты, господствует класс крупных помещиков, а под ним находится класс крепостных крестьян. Позднее, развивается городская промышленность, тогда родится класс буржуазии и эксплоатируемый ею класс наемных рабочих. И в каждую эпоху политическая власть находится в руках того класса, который господствует экономически; таким образом, буржуазия руководит теперь всею политическою жизнью Европы и Америки. Но вот на смену буржуазии является пролетариат; в его руки переходит, следовательно, и политическая власть; с этого момента государство служит интересам нового господствующего класса, заботится о нем. Это господство и есть диктатура пролетариата. На это теоретическое построение сейчас же можно возразить: как может победа пролетариата считаться *сменою господствующего класса?* Над кем же он будет господствовать? Ведь революция возвысила самый униженный, эксплоатируемый класс и, следовательно, уничтожила всякое классовое господство? На это у марксистов есть два ответа: один принципиальный, другой жизненный. *Принципиальный* ответ: да, классы уничтожаются с победою пролетариата, а так как государство всегда — выразитель господствующего класса, то и государство само собою уничтожается; будущее, следовательно, принадлежит анархическому обществу. Однако, как же согласовать это с практикою социал-демократии всех стран, а особенно большевизма в России? Тут является второй — и противоположной — практический ответ. Вытекает он из того, как марксисты представляют себе социалистический переворот.

Марксистская литература не богата описаниями перспектив будущего: слишком велика в ней для этого боязнь утопий. Но из того, что мы знаем, достаточно видно, что *осуществление социализма предполагается растянутым на целый исторический период.* В этот период классы еще продолжают существовать; существует и капиталистическая эксплоатация, но она *смягчается и ослабляется в пользу пролетариата.* Правительство покровительствует ему и делает положение буржуазии все более и более затруднительным; промышленность все более и более национализируется, переходит в руки государства. Это — как раз то, что Ленин в России называл *"государственным капитализмом,"* необходимым для "промежуточного периода." На заре марксизма, в "Коммунистическом манифесте," Маркс и Энгельс наметали ряд мер, которые должно в этот период принять государство; а 50 лет спустя, Каутский, в своей "Социальной Революции," точно также изложил программу мероприятий, вроде прогрессивного налога на крупные доходы и состояния, мер против безработицы, национализации крупной земельной собственности и т. д. — словом, программу, не имеющую в себе, собственно, *ничего социалистического* и очень похожую на современные программы-минимум социал-демократических и даже просто радикальных партий.

"Диктатура пролетариата" это — политический режим того "переходного" периода, когда *социализма еще нет;* когда же он наступит, говорят нам марксисты, то его политическою формою будет *безгосударственность.* Очень приятно слышать, конечно, но и очень невероятно; мало того — совершенно невозможно, если будущее будет таким, какое готовят марксисты. *Они оправдывают деспотизм государственной власти тем, что капитализм еще не совсем уничтожен, и обещают свободу тогда, когда у социализма не будет больше врагов.* Но что это значит? Ведь врагами социализма господствующая партия считает не только действительных сторонников капиталистического строя, но и всех социалистов иного направления, чем она; с этой точки зрения для полного торжества социализма, — в России, скажем, — нужно *поголовное уничтожение, помимо всех буржуазно-мыслящих людей, еще и всех меньшевиков, эсэров, анархистов, синдикалистов, какой-нибудь оппозиции в среде самой коммунистической партии, затем всех недовольных жителей городов и деревень.* В результате этой небывалой чистки страна явится в таком виде: кучка правительственных лиц, а под нею безгласная запуганная масса. И вот этот-то момент и будет избран для *уничтожения государства!* Во-первых,

кто его уничтожит? Никогда еще ни одно правительство не отказывалось от власти иначе, как под давлением: власть всегда ограничивали или революции, или страх перед ними; когда же бывало, чтобы правительство, достигшее максимума могущества, политического и экономического, пользующееся такою властью, о которой не мечтали никакие деспоты (полное отсутствие оппозиции!), вдруг добровольно отказалось от всего этого? Очевидно, это — невозможно. Полная свобода сразу после полного рабства вообще — переход, который трудно себе представить, но даже, если его допустить, то для этого необходимо восстание, политическая революция. Но этого марксистская теория не допускает: такой революции, говорят они, не может быть там, где нет классов, а что *государство-собственник* есть не что иное, как такой же господствующий класс над наемниками пролетариями, —с этим марксисты, конечно, не согласятся. Словом, пресловутый "скачек из царства необходимости в царство свободы" представить себе нельзя; он — не что иное, как приманка, нечто вроде рая и блаженства в загробной жизни.

В действительности, расширение государственных функций во время так называемого промежуточного периода ни к чему, кроме отмирания всякой общественной самодеятельности, привести не может; следовательно, чем дольше он длится, тем меньше вероятность осуществления идеала свободного общежития. Почему в ежедневной жизни, если человек хочет идти в одну сторону, он никогда не начинает с того, что идет в обратную, а в политике это кажется возможным и даже естественным? Вероятно потому, что мы верим словам, не вдумываясь в их реальное содержание, а еще потому, что такое туманное понятие, как "промежуточный период," избавляет ленивую человеческую мысль от необходимости искания новых, не рутинных путей.

На пути к нашему идеалу будут, конечно, периоды, которые можно назвать *переходными,* но, во-первых, они должны каждый раз *прибавлять что-нибудь* к достигнутой обществом степени равенства и свободы, *а не убавлять;* во-вторых, в нашей деятельности мы должны иметь в виду не их, а нашу конечную цель. Чем с большею настойчивостью мы будем стремиться *к ней,* тем большая доля наших идей претворится в жизнь и тем короче будут всякие переходные периоды.

М. Корн.

НА ДЕМАРКСИРОВАННОЙ ЛИНИИ

Ее надо причислить к бесконечно-длинному реестру вопиющих несправедливостей. Из-за отсутствия равноправия часто страдают *привилегированные* предводители массовой человеческой мысли, как раз те, которые слывут великими учителями, которые имеют гораздо меньше прав, чем преклоняющиеся пред ними их ученики. Ведь всякий ученик вправе и свободен избрать себе учителя, но сам учитель не вправе и не свободен избрать себе учеников. Случаи ученичества часты и многочисленны, и ученики фактом своего ученичества наносят глубочайшее оскробление восхваляемому учителю и доказывают абсурдность самой сути его учения, высмеивая ложность того, что почитаемый ими учитель считал незыблемой истиной.

Живи Карл Маркс во дни октябрьской революции, он глотнул бы немало горечи из чаши разочарования и оскорбления, доставляемых ему его же азартно-преданными учениками, глотнул бы впервые, ибо потом преданные ему ученики принудили бы его продолжать пить из той же чаши безостановочно, выпивать горечь ее до дна, если бы чаша та не была бездонной. Советские марксисты употребляли с начала и продолжают интенсивно употреблять до сих пор марксистскую фразеологию, тогда как совершают *антимарксистские* дела.

Появившийся раз в России *Лжедимитрий* представляет собою лишь наивную и симпатичную улыбку в сравнении с той дьявольской гримасой массового *лжемарксизма,* которую ученики Маркса, русские коммунисты, уже свыше 35 лет безостановочно корчат на лице русской и всемирной действительности.

Первый глоток горечи подсунули своему учителю в первые дни Октября двое учеников Маркса: *Лев Троцкий и Владимир Ленин.* Их выступление на арену так называемой социальной революции было не что иное, как высмеивание основного Марксова диагноза в отношении социальной революции и как радостно-вредительское изобличение всей ложности и неосновательности устоев Марксовой основы всех основ. Оба они *(еврей и русский)* избрали марксизм своей целью для диаликтической стрельбы в *контр-революционной* потенции. Ведь в еврее и русском Маркс видел главную помеху на пути воспламенения борьбы против *собственности, против* осуществления социализма.

Хорошо памятна статья Маркса, перенасыщенная крайними и злейшими обвинениями против вкоренелой аморальности еврея, как такового; не будь ее автор по иронии судьбы сам еврейского происхождения, его статья могла быть использована Гебельсом во время Гитлера, а сейчас — нео-гебельсами, как самое тяжелое *антисемитское* орудие: хорошо памятная статья доказывала, что "от нее — от сути еврейской души — все качества," все вредные и злые качества для передового человечества вообще и для осуществления социализма — в частности.

Не менее памятны выступления Маркса против злых и вредных качеств *славянской* группы народов вообще и против контр-революционных, собственнических склонностей *русского* народа — в особенности; в земледельческом характере великой и обильной русской земли, где "порядка нет," в мелком крестьянском хозяйстве и в отсталом большинстве русского народа Маркс видел не краеугольный камень социалистического строительства, а непроходимую скалу, мешающую выпрямлению пути к введению социализма. По Марксу, социалистический свет озарит мировые небеса из *индустриализованой* страны, как Англия или Германия, но не из России, где тот свет наткнется на контрреволюцинонную, анти - социалистическую тьму-тьмущую.

А какое разочарование подготовила действительность Марксу и поставленному им диагнозу?! "Природные" враги социализма и потенциальные вредители — *еврей Троцкий и русский Ленин* впервые подняли знамя мировой революции из страны, созданной якобы для социалистического и революционного громоотводничества, а не из Англии или Германии, наперекор Марксову диагнозу, и взялись за социалистич. строительство.

Я не вхожу здесь ни в объективный анализ этого строительства, поскольку оно, начатое Лениным и Троцким, заслуживает эпитета *истинного* строительства, ни в объективное вентилирование марксистского т. н. "научного социализма," оказавшегося ложным и обманчивым, — такое вентилирование нами, антимарксистами, делается сплошь и рядом, — в данном случае меня интересует субъективная сторона вопроса: быть справедливым в отношении противников. Но как бы ни были ложны Марксовы теории, не заслужена оплеуха, какую учитель Маркс получил от своих якобы преданных учеников — Ленина и Троцкого. Они нехотя высмеяли учительство Маркса.

И. Рубцов.

О САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАРОДОВ

Для безвластников вопрос о самоопределении народов — вопрос праздный. И если мы решили уделить ему несколько строчек, то исключительно потому, что вокруг этого вопроса в последнее время слишком большой шум поднялся. Кипит бой, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Одни горячо отстаивают принцип самоопределения, другие — не менее горячо отрицают его. Те и другие, в сущности, ломятся в открытую дверь. В наше просвещенное, как принято выражаться, время оспаривать право на самоопеределение народов — так же дико, как оспаривать право на самоопределение личности. Каждая личность имеет полное право на самостоятельное существование, и каждая нация — независимо от ее величины — имеет такое же право на самостоятельное устройство своей жизни. Это до того очевидная истина, что возражать против нее могут лишь демагоги да политические лицемеры.

Однако, признавая право на самоопределение народов, нельзя доводить это право до абсурда, т. е. подменять его такими понятиями, как изолированность, отчужденность, замкнутость и т. п. Как каждая свободная личность может расчитывать на максимум успеха лишь при наличии полной согласованности с себе подобными свободными личностьями, так и каждая нация может успешно процветать лишь в том случае, если она будет кооперировать с другими такими же свободными, как и она, нациями. Самоопределение без свободного международного сотрудничества подобно полёту орла в тесной клетке: лететь можно, да крылья расправить негде.

Политиканы разных мастей в большинстве случаев стремятся именно к подобному состоянию общества. Их самоопределение — новые границы, новые таможенные рогатки, новое войско, новые тюрьмы, новые министры, новые законы... т. е. как раз все то, что разъединяет людей.

Общественные клетушки, именуемые государствами, выгодны лишь тем, кто находится у власти или же стремится к ней, но они совершенно не нужны большинству населения. Больше границ — уже радиус действия; больше таможенных сборов — дороже предметы широкого потребления; больше чиновников и военных — тяжелее налоговое бремя.

Даже такое малоопытное существо, как

курица, и та стремится из клетки на простор. Зачем же человек — этот венец творения — должен замыкаться в четырех стенах "своего" государства? Разве не лучше жителю, скажем, Киева беспрепятственно поехать во Владивосток, или же в Лондон, или в Иерусалим вместо того, чтобы терять время и средства на хлопоты о выдаче паспортов и виз? Прометей, прикованный к скале — не Прометей, а беспомощное создание. Орел, зажатый в клетке, — не царь пернатых, а невольник. Человек, опоясанный границами — не гордый вершитель судеб, а такой же невольник, как орел в клетке.

Объединения на национальной почве вполне понятны и логичны. Но эти объединения — то же самое, что объединения по роду занятий или же по виду спорта. Существует великое множество всевозможных профессиональных союзов: каменщики, плотники, углекопы, рыболовы и т. д. Никому, однако, в голову не приходит требовать создания самостоятельного государства, скажем, сапожников или же портных. А если бы ктолибо этого потребовал, то нет осмнений, что его подняли бы на смех. Создание государства на национальной почве не менее смешно, потому что нации, как чего-то однородного, четко отшлифованного (скажем, хотя бы такого, как союз углекопов) — нигде нет. Каждая нация заключает в себе примесь чего-то чужого, устремленного не к центру, а к перифериям. Проблема меньшинств существует почти в каждом государстве. Поэтому, если принцип самоопределения довести до его логичного конца, то можно дойти до того, что право на провозглашение самостоятельного государства придется признать за отдельным уездом, а то и волостью.

Скажем коротко: самоопределение на национальной почве — неразрешимая задача (т. е. она разрешима... при помощи насилия). Никогда не было и никогда не будет такого государства, которое гарантировало бы всему населению всеобщее довольство. Всегда будут недовольные. (Довольство мы здесь рассматриваем исключительно с национальной точки зрения.) Спрашивается: зачем же завязывать этот узел взаимных недоразумений, вражды и ненависти? Не лучше ли предоставить народам возможность объединяться самостоятельно, снизу вверх, а не по приказу из столичных центров? Никто не может так плодотворно и идеально разрешать вопрос, как те, кто непосредственно заинтересованы.

Проведение границ и установление на них часовых можно уподобить попытке Соломона разрубить младенца на две части. Мир— один. Это признается даже некоторыми буржуазными кругами. (Автором книги аналогичного названия является покойный Вендель Вилки, бывший кандидат в президенты от республиканской партии в 1940 году.) Человечество тоже едино, поэтому первая задача всех тех, кто стремится не к личному благу, а к благу всего человечества, — разрушение уже существующих границ, а не создание новых.

Государство неизбежно порождает шовинизм; последний же ведет к превозношению всего "своего" и к поношению "чужого." Все, стоящие у руля правления, и те, кто стремится туда, очень старательно пропагандируют подобное мировоззрение. (Это помогает им сохранять власть.) "Наша родина," "наша культура," — твердят они. (Удивительно, почему они не скажут: "наша математика," "наша астрономия," "наш ветер," "наше солнце" и т. д?)

Все это, конечно, пускание пыли в глаза. Нет "нашей" и "вашей" культуры. Культура одна — общечеловеческая. Точно также нет "нашей" и "вашей" родины. Место рождения человека—обыкновенная случайность. Родина человека—весь мир. Если советское правительство, действительно, преследует подлинных космополитов, то этим оно лишний раз подчеркивает свою реакционность. Конечный идеал человечества — космополитизм ,а не национализм. Прогресс человечества выражается в расширении умственного кругозора каждой отдельной личности; расширение же умственного кругозора неизбежно ведет к расширению понятия "свое" и "чужое." У дикаря "свое" не выходит за пределы круга лиц, ему известных; у культурного человека оно охватывает весь мир. Поэтому лица, стремящиеся к созданию новых государств, служат не прогрессу, а регрессу.

Для тех, кто ценит свободу, первейшим врагом в настоящее время, несомненно, является большевизм. Он поработил многие народы и применяет к ним самые жестокие меры... Но предположим, что одному из порабощенных народов, — скажем, украинскому — удалось освободиться. Киев объявлен столицей, создано свое правительство... Что же получилось бы? Большевицкая головка продолжала бы диктаторствовать, а киевское правительство управлять своими подвластными. Вот почему сепаратизм —

явление антигуманное и антилибертарное. Борьбу против главного врага свободы сепаратисты прекращают, не закончив ее, и торжество справедливости заменяют торжеством своих корыстных целей.

Не лишне отметить одну довольно интересную особенность, которую, даже не будучи марксистом, хочется назвать железным законом природы: все сепаратисты, как известно, появляются на общественной арене в роли эмансипаторов — борцов за освобождение порабощенного народа. Но коль скоро их цели становятся действительностью, они из эмансипаторов превращаются в поработителей, заимствуя при этом как раз все те дурные качества, против которых они только что боролись. Объясняется это тем, что государство, независимо от его величины, не может существовать без империалистических побуждений. Каждое правительство — консервативное и либеральное — работает и действует исключительно в направлении расширения границ своей страны. Маленький Гитлер таится в каждом государственном деятеле. Поэтому и получается, что вчерашний эмансипатор сегодня становится поработителем. Возродившаяся после первой мировой войны Польша немедленно принялась притеснять очутившиеся в пределах ее границ национальные меньшинства. То же самое происходило в Чехословакии и Югославии. Дух великодержавности, патриотизма и чванства быстро охватывает новоявленную власть, и она с особенной энергией начинает практиковать то же самое, против чего незадолго перед этим боролась. И выходит: нас притесняют — плохо, мы притесняем — хорошо... Всякая власть портит людей (находящихся у власти), новоявленная же — в особенности.

Относясь отрицательно ко всем планам и попыткам создать новое государство, анархисты тем более относятся отрицательно к усилению существующих государств. Поэтому в конечном счете получается, что у анархистов нет ничего общего, как с теми, кто под лозунгом "самоопределения" стремится к созданию нового государства, так и с теми, кто под вывеской "великой и неделимой России" пытается держать национальные меньшинства в порабощении.

Н. Михайловский когда-то сказал, что прогресс не стоит слезинки ребенка. В переводе на политический язык это значит, что величие и мощь страны — нуль до тех пор, пока в пределах ее границ находится хотя бы самый немногочисленный народ, не радующийся этому величию. Вместе с тем, этим самым ставится под сомнение столь прославляемый в демократических странах принцип большинства. Подчинение большинству так же несправедливо, как и подчинение меньшинству. Если в одном случае десять человек выполняют волю одного человека, а в другом случае один человек выполняет волю десяти — разница лишь в цифрах, но не в сути, ибо в обоих случаях имеются элементы насилия. А где есть насилие, — неважно кем и как санкционированное, — там не может быть речи о свободе. Как пятнишко, хотя бы самое маленькое, исключает абсолютную чистоту, так и насилие, хотя бы и ограниченное, исключает свободу.

Правильное решение вопроса о большинстве и меньшинстве дал еще Гоголь, когда в Запорожской Сечи возник спор о том, против кого пойти войною: против татар или против поляков? В конце концов было решено: кто хочет биться с татарами, пусть подается на юг, а кто с поляками, — пусть движется на север. Именно так, а не подчинением меньшинства большинству или наоборот, должны решаться все вопросы. У анархистов вопрос о самоопределении народов решается еще проще: он списывается со счетов, ибо за каждой национальностью они признают равные права. У анархистов — только люди, только человек — полноправный гражданин мира.

В наше время следует говорить не о создании новых государств, а об упразднении уже существующих. Переселение заключенных (всех или небольшой части) из старой тюрьмы в новую, быть может, имеет некоторые преимущества, но все же это не избавляет узников от тюремной жизни. Гораздо лучше и похвальнее вместо создания новой тюрьмы — разрушить старую. Узники — и русские, и украинцы, и евреи — выйдут на волю и заживут по человечески, свободной жизнью. Тогда не будет ни эллина, ни иудея.

Ю. Колокольцев.

Что такое государство?

Государство — историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, распространяемой на народные массы во имя либо какой-нибудь религии, либо исключительных и привилегированных особенностей одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам работников, подневольный труд которых они жестоко эксплоатируют. *М. Бакунин.*

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(На правах дискуссии)

Война в Корее может рассматриваться, как начало третьей войны, как первая ее фаза. О "холодной войне," войне нервов, идеологической военной подготовке уже нечего говорить. Это ведется давно. На границах Ирана, Греции, Индонезии, Китая и других государств — "холодная война" была достаточно горячей и уничтожила огромное количество человеческих жизней.

Кто же хочет новой войны и почему?

В первую очередь ее желают те, кто ожидает получения новых доходов, выгод: завоевания колоний, рынков, сырья, дешевых рабочих рук, новых звездочек на погонах и нашивок, денег, славы, удобной, легкой, полной развлечений, жизни. Это — империалисты, эксплуататоры, угнетатели, власть имущие и правящие *обоих лагерей:* "империалистического" лагеря во главе с США и "антимилитаристического," "миролюбивого" лагеря во главе с большевицким СССР. О "миролюбии" говорит американский буржуазно-демократический лагерь и "народно-демократический" лагерь СССР, закабаляющий своих сателлитов и организующий пятые колонны. Декламацией о свободе, независимости, невмешательстве, национальном объединении и прочим занимаются оба лагеря. Но все это лишь пропаганда, ложь и обман, дымовая завеса.

В странах, закабаленных марксизмом-ленинизмом-сталинизмом, войны желает незначительное меньшинство: люди, боящиеся потерять свою власть. Это партийные вожди и их наемники, которые твердо знают, что без новой войны и решительного наступления они не смогут сохранить власть над собственными народами, над своими пятыми колоннами и навязать миру свою тиранию. Воспитанные Лениным и Сталиным, они твердо уверены, что мирное сосуществование между их государственно-партийным и буржуазно-демократическим миром только перемирие, вооруженный мир, состояние "холодной войны," только подготовка для будущей горячей фазы войны и что окончательное столкновение большевицкого и антибольшевицкого лагерей непредотвратимо и желательно для обоих сторон.

Третьей мировой войны хотят и народы, стонущие под кровавым фашистким ярмом генерала Франко в Испании, колониальные народы и эмигранты, т. к. все они надеются, что война принесет им хотя бы частичное освобождение, потрясет социальное, национальное и колониальное могущество отдельных классов и позволит им хоть на короткое время после войны свободно поднять головы, организоваться и подготовиться для освобождения путем социальной или национальной революции.

Само собой разумеется, что только слепые доктринеры могут думать, что все народы и слои общества, которые хотят войны, ее желают и ожидают потому, что не знают или не понимают ее глубоко империалистического характера, что широкие массы должны нести жертвы, чтобы господствующие классы достигли побед и завоевания новых территорий и богатств во время войны или после нее. И меньше всех могут быть обвинены в непонимании истинного характера третьей мировой войны анархисты, которые не впадают в патриотически-шовинистические, оппортунистические и другие иллюзии. Нельзя обвинить некоторых анархистов из стран сателлитов в том, что, вынужденные ужасной и беспощадной логикой жизни, они вместе с другими желают войны для того, чтобы хоть на короткое время освободиться из концлагерей и застенков, где они голодают и мучаются.

Не желают войны и, действительно, от чистого сердца ненавидят и борятся против нее *только горсточка людей,* подлинно убежденных сторонников мира, антимилитаристы, т. е. те, кто по идеологическим, общественно-экономическим, философским, моральным, религиозным или другим побуждениям глубоко ненавидят *не только войну, но и все причины, ведущие к войне:* эксплуатацию, угнетение, господство человека над человеком, деление на классы, социальную несправедливость. К этому меньшинству нежелающих войны в первую очередь принадлежат анархисты, последовательные борцы против войны, толстовцы, некоторые интеллектуалисты и непоследовательные пацифисты, которые борются против войны, но у которых не хватает смелости выступить открыто против "порядков" современного общества.

Хотят и не хотят войны те, кто чувствует или знает, что война будет дорого стоить, хотя она прямо или косвенно для них и общества, или для человечества принесет некоторую пользу или завоевания. Как это

ни странно, эта категория людей *наиболее многочисленна* и для будущего — для победы или проигрыша войны — *решающая*. К этой категории принадлежит большинство народных масс в целом ряде стран, и даже та часть людей, которые вообще войну ненавидят и всеми силами восстают против всякой эксплуатации. *Какие* же чувства и доказательства преобладают среди людей этой категории? Чем война их соблазняет или привлекает?

Большинство угнетенных и эксплуатируемых народов СССР и его сателлитов: Болгарии, Албании, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши стоят больше за войну, чем *против* нее. Это большинство *предпочитает* войну тому миру, в котором оно живет сейчас. Эти люди желают новой войны и ожидают ее с нетерпением, так как они знают, что *без нее им вряд ли удастся освободиться* от большевицкого насилия. К этому нерешительному большинству принадлежат люди физического и умственного труда: рабочие, крестьяне, интеллигенты, а также большинство маленьких и средних сотрудников существующего режима, члены самой ком-партии, даже некоторые крупные ее руководители. К этой же категории желающих войны, но боящихся ее ужасов, принадлежат *все жертвы* большевицких вешателей: *кто поседели в концлагерях, тюрьмах, казармах, шахтах, фабриках, колхозах, совхозах, рабочих бригадах на каторжном строительстве каналов, железных дорог, туннелей и мостов, кто испытал на себе подневольный труд в концлагерях* и узнал нищету и голод; *все члены разгромленных большевиками партий:* демократы, либералы, радикалы, члены крестьянских партий, социал-демократы и другие.

Наконец, если оценивать соотношение сил в грядущую войну *за* и *против*, мы ни в коем случае не должны забывать, что народы США, Англии, Франции и других государств в большинстве, хотя и не без оговорок, тоже войну принимают, или, по меньшей мере, не будут оказывать ей сопротивления, т. к. рассматривают войну, как печальную необходимость, как неизбежность, и народные массы еще не освободились от патриотических, шовинистических, империалистических, партийно-политических и религиозных обманов. Само собой разумеется, *что еще больше желают войны и готовят ее пятые большевицкие колонны,* слепо выполняющие приказы московских господ и, убежденные в превосходстве СССР, горят от нетерпения как можно скорей броситься в пожар новой войны и выкинуть американских интервентов из Кореи, Формозы, Персии, Греции, Западной Германии, Италии, Франции и других стран, чтобы "освободить" их и объединить их в большевицком ярме.

С нами, анархистами, или без нас, новая война начнется. Ведь война в Корее идет не столько между северными и южными корейцами, сколько между СССР с его сателлитами и Америкой с ее союзниками. С корейского сектора война может распространиться на весь мир. Победит ли одна или другая коалиция, это будет зависеть от нашего отношения к войне. По меньшей мере у нас не может быть разногласий относительно характера третьей мировой войны.

Империалисты могут врать, сколько они хотят, что не они виновники войны. Каждый из них может обвинять своего противника в агрессии и империализме, а себя представлять в качестве рыцаря и освободителя угнетенных народов. Их платные агенты могут порвать себе голосовые связки и ломать перья, чтобы доказать, что эта война — идеологическая, война во имя мира, свободы, демократии, против коммунизма, диктатуры, тоталитаризма, как говорят одни, или война за длительный мир, за освобождение народов от капиталистического и колониального рабства, за независимость, суверенность, территориальную нераздельность и национальное освобождение, за "народную демократию," за коммунизм и т. д., как бесстыдно и нагло врут другие. Пусть русские белогвардейцы, "солидаристы" и другие пытаются ввести в заблуждение кого могут, восстанавливая американский лагерь против большевицкого, угрожая призраком социальной революции. Но что бы ни говорили и ни писали эти господа, третья мировая война прежде всего будет, *в основном, в главной цели и задании, войной империалистической;* если же она сможет превратиться в социальную или только национальную революцию, то это не будет зависеть от большевицко-империалистического штаба и его инструментов, а от других факторов и условий. Третья мировая война будет войной, как вторая и первая мировые войны, за рынки, за влияние, за мировое господство. И если марширующие армии разобьют двери тюрем и концлагерей в странах, оставленных *их противниками,* то сделают они это только для того, чтобы быстрее и легче выиграть войну и установить свое господство над освобожденным народом. (Как скоро

удастся потом народам освободиться от нового рабства или хотя бы смягчить его, будет зависеть от их готовности к борьбе, от сознания и силы народа, сменившего господ и цепи.)

Наше практическое отношение к новой войне, поэтому, явствует из вышесказанного. Здесь не помогут ахи да охи, заклинания и антимилитаристические объяснения. Они не изменят ни *действительного* положения, ни *правдивого* нашего отношения, которое мы таим в самих себе. Наше отношение к третьей мировой войне не одинаково и не будет одинаковым, как бы мы этого ни желали. Есть товарищи, которые войны желают, но у них не хватает мужества в этом признаться; поэтому они говорят не так, как думают. На словах они — противники войны и выступают против обоих лагерей. Они представляют себя в роли какой-то третьей силы, которая может уничтожить обе другие и направить ход событий; они, мол, будут наблюдать со стороны, оставаясь чистыми, сохраняя свою невиновность и полную нейтральность. Другие же наши товарищи не скрывают, что они вмешаются в войну. Некоторые из них рискуют превратиться против воли в инструмент одной из военных сил, если мы своевременно и открыто, без осуждений, не решим вопроса о нашем отношении к войне. Но в решении этого вопроса мы должны исходить не из буквы, а из духа нашей идеологии, из особенностей и условий, в которых война будет происходить, и из интересов нашего движения, наших классов и народов, человечности и будущности.

Каково же *должно быть* наше отношение к третьей мировой войне? Вмешаемся ли мы в нее сознательно или удовольствуемся тем, что нас`в нее втянут или вовлекут насильно? Активным или пассивным должно быть наше отношение? Как должны мы относиться к обоим лагерям, к партиям или людям, их представляющим? Или же, несмотря на наш малый рост, мы будем стоять в стороне и сопротивляться одной и другой силе?

Само собой разумеется, что мы не можем никого вводить в заблуждение относительно завоевательного характера войны, относительно побуждений и идей, которые движут ведущие войну лагери. Мы не можем преподносить эту войну, как освободительную, народную, отечественную, революционную, справедливую, чего нет на самом деле и чего оба лагеря не хотят. Но чтобы не совершить предательства по отношению к нашему собственному движению и против интересов рабочего класса и народов, мы не должны ни на один момент забывать, что *большевицкая диктатура во много раз хуже и опаснее гражданской и социалистической демократии* и что, *если* в новой войне победит демократический лагерь, мы сможем издавать свои газеты и книги, сможем думать, говорить, организоваться и бороться не только **против будущего большевизма и фашизма**, но и против самой демократии; *если* же после третьей мировой войны *будет установлено большевицкое господство над пролетариатом всего мира, наше движение, пролетарит, народы и все человечество будет лишено на неопределенное время права на свободный вздох, на человеческую, полную смысла, идейную жизнь.*

Наоборот, мы совершим гнусное предательство и ужасное преступление, если мы забудем, что *демократия*, несмотря на ее громадные органические недостатки, *должна быть предпочтена большевицкой диктатуре и тирании;* если мы в странах большевицкого режима *не будем бороться и помогать бороться не на жизнь, а на смерть* извне и изнутри *за скорейшее освобождение этих стран и народов от свирепого большевицкого деспотизма, или если мы станем вместе с пятыми большевицкими колоннами организовать или поддерживать стачки, саботаж, партизанское движение в демократических странах или действовать в тылу борющихся с большевизмом войск.*

В третьей империалистической войне и сопутствующих ей событиях *мы должны принять участие сами и с полным сознанием, не держа наши идеи втайне,* т. е. как анархисты, антибольшевики, антифашисты, а также принципиальные противники всякой эксплуатации, угнетения и господства людей над людьми, народов над народами. Наше участие *должно быть везде активно организовано и охватывать большие массы.*

В странах большевицкой диктатуры мы будем бороться с большевизмом, не становясь инструментом демократии, а тем более фашизма, то есть не выдвигая их взглядов и не поддерживая их. В странах с фашистским или полуфашистским режимом, как сегодняшняя Испания и Аргентина, мы будем атаковать внутреннюю и внешнюю политику, разъясняя в то же время рабочим и народным массам существо гражданской демократии и, особенно, большевицкого капитализма. В странах гражданской демократии мы будем атаковать демократию, но с таким расчетом, чтобы не сослужить

службы большевицким, фашистским и другим тоталитарным диктатурам; это значит, что мы не должны иметь ничего общего с большевиками или фашистами, не допускать их к руководству или влиянию на нашу борьбу. *Как организация, идейное движение, мы должны стоять в стороне от партий и движений,* ведущих войну, чтобы не стать инструментом в их руках даже в том случае, если мы пойдем вместе с некоторыми партиями, профсоюзами и движениями, и плечо к плечу будем сражаться вместе с вооруженными войсками других стран в совместной идеологической борьбе против большевизма и фашизма.

Наконец, ни на одну минуту мы не должны забывать, что *наши враги — не народы других стран, но враги этих народов,* то есть большевицкие или иные властители, угнетатели, эксплуататоры, что вопрос вины и ответственности наших врагов и возмездия, которое они заслужили, должен быть решен правильно, принимая во внимание кто и чем помог свержению того режима, против которого мы боремся, и что причины потерь и преступлений, возникающих во время войны, обязаны системам, которые виновны больше, нежели люди, им служащие, тем более, занимающие незначительные посты и часто даже против своих желаний.

Чем активнее, разумнее, и сознательнее мы примем участие в войне и в других событиях, стоящих перед нами, тем меньше будет опасность, что эти событыя еще более ухудшат положение рабочего класса, и больше надежды, что после ужасов новой войны народы пойдут твердыми шагами к миру, свободе и благосостоянию, а не назад — к социальной реакции, фашизму и большевизму.

Живко Колев.

"Бесспорно, наши образованные общества очень богаты. — Почему же вокруг нас столько нищеты? Откуда этот тяжелый труд, отупляющий народные массы? Откуда, даже у рабочего, имеющего порядочный заработок, эта неуверенность в завтрашнем дне, когда кругом накоплено столько богатств, унаследованных от прошлого, и имеются такие могущественные орудия производства, способные дать довольствие каждому, взамен нескольких часов ежедневного труда? ...Происходит это странное противоречие от того, что все, что нужно для производства — земля, угольные копи, машины, пути сообщения, пищевые продукты, дома, воспитание, знание—все было захвачено в свою пользу небольшой горстью людей в течение той долгой истории, составившейся из грабежей, переселений, войн, невежества и насилий, которую человечество пережило с тех пор, как стало учиться побеждать силы природы."

ПЕТР КРОПОТКИН.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

С тревогой и страхом встречает человечество завтрашний день. Тень новой войны висит в сгущенном воздухе и эта новая война может разразиться каждый день, ибо подготовка к войне идет гигантскими шагами. Военная промышленность, изобретая все новые и новые орудия разрушения и смерти, отодвигает всю остальную мирную промышленность на задний план. Если в США военная промышленность заслоняет все виды другой промышленности, в результате чего все выше поднимаются цены и растет дороговизна, то что можно сказать о нищей Европе? В то же время в другом лагере, в СССР, все туже завинчиваются гайки террора. Российские крестьяне буквально становятся государственными батраками, без права организованно отстаивать свои интересы. Рабочие давно уже лишились своих классовых профессиональных союзов и, будучи прикреплены к производству системой самых различных ухищрений и декретов, превратились в тех же самых государственных рабов...

В странах демократического блока все еще поют псалмы в верности демократии и свободе, но все яснее в каждой стране вырисовывается облик будущих диктаторов, которые и явятся на сцену, вооруженные чрезвычайными полномочиями, "во имя спасения нации" и прочих националистических атрибутов. Государство — хищник все глубже и прочнее внедряется в индивидуальную жизнь человека, т. к. гос контроль охватывает все стороны жизни человека, не щадя даже интимных.

Наш "атомный век" спешно хоронит все блестящие и гуманитарные достижения XIX века, срочно подновляются реакционные идейки и уже явно и нагло прет мракобесная человеконенавистническая философия. Художественная литература во всех странах становится прислужницей нового политического течения, церковь все более и более связывается с господствующими классами... А страдающим лицом во всей современной человеческой трагедии больше всего и прежде всего являются трудящиеся города и деревни.

Трудящиеся всего мира, как подавляющее большинство, являются объектом пропаганды и воздействия. Ибо эти трудящиеся, вооруженные современной военной техникой, будут истреблять друг друга... Социальные, политические и экономические противоречия

нашего уродливого века и всеми правдами и неправдами разжигаемая национальная рознь способствуют планам "двух блоков" в их борьбе за господство. А трудящиеся города и деревни, в поисках выхода и мирной жизни, мечутся от одной партии к другой, отдавая свои симпатии и надежды то воинствующему национализму, то большевицкому коммунизму. Социалистические партии европейских стран, в своей попытке быть "третьей силой," собирающие относительно большое количество голосов на выборах в парламенты, не проявляют ни должной решимости, ни должной политической определенности. В поисках выхода они создают коалиции, входя в блоки с другими, по существу враждебными трудящимся, партиями...

Государственная практика коммунизма, с ее системой беспощадного террора, с подавлением всякой свободной мысли, сводит трудящихся к роли государственных батраков, вызывает протест и волю к борьбе за свободу.

"Демократический блок" широко пропагандирует этот лозунг. В какой-то мере он прав, ибо в "демократических" странах все же существует "свобода." Свобода хотя бы устно и печатно пропагандировать разные политические идеи.

В страшное и трагическое по своим последствиям время мы живем сейчас. Большая моральная ответственность ложится на всех тех, кто в мутном потоке лжи, насилия, человеконенавистничества несет факел свободы.

Безвластническое движение является движением трудящихся. Только трудящиеся города и деревни заинтересованы в свободном человеческом общежитии. Трудящиеся города и деревни в России, крестьяне и рабочие, более других заинтересованы в установлении свободного общества. И нужно помнить и знать, что в России в эпоху временного правительства и в первые годы советской власти анархические идеи пользовались не только популярностью, но крестьяне почти всюду старались осуществить эти идеи. Сторонники безвластного общества обязаны не только сделать перекличку, но и быть в авангарде трудящихся в их борьбе за свободу и за право жить, как они хотят.

Государство не только "ночной сторож," государство — хищник с достаточной убедительностью показало свое лицо. Вся сила государственного воздействия ложится исключительно только на рабочих и крестьян.

М. Ф.

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

В СССР был "отпразднован" так называемый "международный день защиты детей." Как всегда, "народная демократия" явилась инициатором большого всенародного дела, и это начинание можно было бы только приветствовать, если бы оно не было использовано *только* в целях пропаганды пресловутого "преимущества" СССР перед Западом. Все большевистские газеты, журналы и радио обрушились на страны капитала, которые, мол, нисколько не заботятся о детях и превознесли Советский Союз, где, дескать, дети живут, как в сказке, окруженные заботой, вниманием и любовью "партии и правительства."

Как известно, строгой объективностью советская печать никогда не отличалась, но все болезненные и теновые стороны буржуазного мира она видит прекрасно: пятые колонны снабжают ее богатой информацией. Поэтому некоторые цифры и факты, многим известные до их опубликования в "Правде," "Известиях," "Труде" и других газетах, заслуживают внимания общественности. Они, действительно, ужасны: в Ираке на Тегеранских спичечных фабриках работают дети от 5 до 10 лет по 10-12 часов в сутки. Заработок их настолько низок, что нехватает на полкилограмма хлеба. На папиросных, текстильных и спичечных фабриках в Индии, главным образом, применяется детский труд. На чайных плантациях штата Ассам работает 100 тысяч детей. В промышленности Египта занято 60 тысяч детей моложе 15 лет. В Италии детский труд запрещен конституцией, но более миллиона детей работают наравне со взрослыми. В Японии до сих пор существует торговля детьми. В Афганистане на 12 миллионов населения имеется только одна детская поликлиника на 20 коек! В Турции 1,200,000 детей не могут посещать школы. В Греции 75 процентов детей больны туберкулезом. Во всех странах, особенно в отсталых, смертность детей исключительно высока.

Но вот большевистская "Правда" в статье "Две судьбы немецких детей" сообщает о небывалом чуде: в западной Германии дети босы, голодны, не могут учиться; в восточной Германии, под мудрым руководством Пика и Ульбрихта, дети живут, как в раю. По щучьему велению, по кремлевскому хотению обездоленная советская зона Германии превратилась в пропагандный парадиз, который и был продемонстрирован в совет-

ском секторе Берлина 17 июня, когда "счастливые и радостные" немецкие рабочие били стекла в большевистских учреждениях и срывали красные флаги... "Правда" в "международный день защиты детей" не преминула провести параллель между положением детей в капиталистических странах и в Советском Союзе: "Как яркий солнечный день отличается от черной ночи, так жизнь советских детей отлична от жизни детей стран капитала." Эта патетическая декламация вряд ли может завуалировать действительное положение детей в СССР.

Большевики не хуже капиталистов знают, что детский труд — наиболее дешевый труд. И они пользуются детским трудом в размерах, значительно превосходящих капиталистическую эксплуатацию. Ремесленные училища, в которые насильно сгоняют детей, отбирая их от родителей, представляет собою совершенно *небывалые учреждения эксплуатации детей. В колхозах детский труд применяется постоянно.* Женщины и дети — основной резерв рабочей силы в колхозах. В суворовских, нахимовских и других *военных училищах* дети с малых лет обучаются искусству убивать. *В детских домах процветает ничем не прикрытая эксплуатация малолетних.* В результате второй мировой войны сотни тысяч детей остались сиротами, и новые перебежчики рассказывают, что на вокзалах и в трущобах городов *бродят тысячи голодных, обтрепанных малышей,* пробивающихся подачками и воровством. Нечего и говорить о духовной эксплуатации детей в школах, училищах и пионерских отрядах, где калечат детские души и ломают волю, подготовляя кадры роботов для "будущего." Забитое, исковерканное подъяремное детство советская пропаганда пытается выдать за образец "счастья и радости."

Захлебываясь от восторга по поводу несметных благодеяний "партии и правительства" в отношении "заботы" о детях, большевистская пропаганда выболтала, что 2,750,000 учащихся в этом году "будут отдыхать в оздоровительных лагерях." Из этой формулировки совершенно понятно, что около трех миллионов советских детей школьного возраста больны и требуют не только отдыха, но и лечения. Очень веский факт к иллюстрации "счастливого и радостного детства"!..

Если бы этих обездоленных, эксплуатируемых детей спросить, кто для них лучше — советский или капиталистический "дядя," — они бы ответили: "Оба хуже!" И это было бы совершенно правильное определение, т. к. оба "дяди": два сапога — пара.

"Дети наше будущее"! "Дети цветы жизни"! Сколько таких красивых лозунгов придумали для того, чтобы скрыть полнейшую бездушность по отношению к детям. Сколько молодых жизней погребено под развалинами разных политических систем и "социальных" экспериментов! Страшное время. Подлинная черная ночь и для детей, и для взрослых.

Ф. Серов.

МЕРТВЯЩИЙ БЮРОКРАТИЗМ

Как многие уже заметили, XIX съезд ВКП (б) утверждал новый пятилетний план на 1951-1955 годы в конце 1952 года. Это лишний раз подтверждает громоздкость и бюрократичность советской государственной машины. В стране "победившего социализма" все, от большого до малого, насквозь бюрократично, омертвлено, безынициативно и невероятно придавлено вышестоящими органами, бесчисленными законами, правилами, инструкциями и проч. Все регламентировано, все подконтрольно, все зависит от центрального управления. Достаточно напомнить, что бюджет СССР и отдельных союзных республик утверждались сессиями Верховного Совета обычно в марте-апреле того года, который уже шел и практически выполнялся. А бюджеты отдельных учреждений, фабрик и заводов, утверждаемые министерствами, доходят до этих нижестоящих организаций обычно в июле-августе. Сколько ненормальностей, неувязок, неуверенности в действиях создавали у руководителей эти поздно принятые и еще позже присланные бюджеты!..

Работая некогда в учреждении, подведомственном крупному министерству, мы ежедневно испытывали на себе давящее действие этого министерства из-за отсутствия во-время присланного бюджета. Начать с того, что директор учреждения не знал, каков у него будет штат рабочих и служащих в году, добрая половина которого уже прошла. Поэтому приблизительно треть служащих и рабочих числилась временными, с временными окладами жалования. Оплата основного персонала шла не по полной ставке, т. к. директор страховал себя от возмож-

ности перерасхода. Первую половину года директор почти не делал покупок инвентаря и материала, а также не производил ремонт оборудования и здания — все из-за той же боязни перерасхода и отсутствия постатейных цифр бюджета.

Но когда приходил долгожданный утвержденный бюджет, с полной сметой расходов и утвержденными контигентами рабочих и служащих, — начиналась лихорадочная деятельность: часть служащих и рабочих увольнялась, т. к., оказывается, они в штате не числились, другая часть из временных переводились в постоянные, их оклады подгонялись так, чтобы уравновесить перерасход, произведенный во время отсутствия бюджета. Спешно производился ремонт оборудования и здания, делались покупки, часто совсем ненужные, лишь бы истратить в конце года деньги, стоящие по той или иной статье бюджета. В более крупных предприятиях, заводах и фабриках отсутствие нормального бюджета создавало еще больший хаос и огромную ,длительную переписку с министерствами и главками.

Советский бюрократизм проявляется не только в вопросах бюджета, он пропитал все поры жизни огромного государства. Для наглядности приведу два-три примера. Вспоминается мне один дореволюционный лесной склад, или как его у нас звали "лесная биржа." Я не специалист по лесному делу и, может быть, не все правильно назову, но чего там только не было: разнообразный тес для крыш, полов, заборов, лес для домов, стропил, сараев; специальный лес для разных изделий и проч. Сотни штабелей леса и десятки тысяч бревен были на этой провинциальной лесной бирже. Со всем делом управлялся хозяин и один приказчик. В советские годы этот склад, конечно, объявили "народным достоянием" — национализировали. И если первые годы этот склад жил еще остатками прошлого, то уже в тридцатые годы там, кроме замусоренного пространства, ничего не было. Однако, этим пустым пространством "управляли": заведующий складом, бухгалтер, счетовод, секретарь-машинистка, уборщица и сторож. Изредка на складе появлялись сиротливые кусочки каких-то дручков-кольев, иногда штабелек плохих досок, но все это исчезало за сутки. Для жизни же города ни теса, ни леса не было: мосты, построенные еще "отцами города"— городской управой,—тихо догнивали; заборы и ограды разрушались; крыши и полы не ремонтрировались. Но самое трагическое положение было с теми семьями, в которых кто-либо умирал. В городе со статысячным населением не было похоронного бюро, и каждому предоставлялось право изворачиваться с нахождением гроба, как ему вздумается.

У одного сослуживца умерла мать. Кинулся он в одно-другое учреждение — нигде не могут сделать гроб — досок нет. Подумал-подумал осиротелый сын, да благо в сарайчике был еще кое-какой хлам, и сколотил гроб для матери, а на крышку не хватило — забил старой фанерой. А потом вынесли этот гроб, поставили на старенькие дрожки, накрыли скатертью и отвезли на кладбище. Через несколько лет у другого сослуживца умер ребенок. Опять та же проблема: откуда взять гробик? У самих родителей — ни одной дощечки. Пошли убитые горем родители к директору нашего учреждения, у него тоже нет ничего. Но он написал записку в коммунальный отдел, который ведал одновременно кладбищами. Но и там не оказалось досок для детского гробика. Снова бедные родители пошли к директору, и он написал другую записку в жилищный отдел. Там долго крутили и вертели эту записку, ссылались на то, что у них нет ни сантиметра досок для такого случая, но в конце концов согласились сделать гробик из "отходов" материала столярной мастерской.

"Самый ценный капитал у нас это люди"... возвестил некогда сатрап. Но этот "капитал" ему нужен только для того, чтобы побольше выжать из него силы и работы. Когда же этот "капитал" уходил в иной мир, диктатору до него не было уже никакой заботы, а о достойном погребении власть меньше всего заботилась. (О живом же человеке-"капитале" советская власть очень ревниво заботилась, чтобы содрать с него и не дать ни часу времени от государственной кабалы.).

Другой пример: мой знакомый, сельский врач, задумал при больнице построить баньку-избу 12 на 12 аршин. Местность была лесная, казалось бы чего проще: пошел в лесничество и заказал, что нужно. Но при советской власти *просто* ничего не делается: все под контролем и руководством. Заставили врача сделать черновой план и смету "строительства." Затем план и смета пошли "гулять" по райздравотделам и облздравотделам. Несколько раз врача вызывали для "согласования" проекта, и когда все было согласовано, у врача были бумажки: наряды в лесничество, в снабсбыты, но... не было

материалов. Врач был упрямый человек и строительство бани решил довести до конца. С нарядками поехал в леспромхоз. Там ему предложили лес на корню: рубите, пилите, вывозите своим транспортом на здоровье! В снабсбытах чиновники-снабженцы обещали и гвоздей, и известь, и кирпич, но только тогда, когда они по своим нарядам получат их со своих заводов. Короче: "грандиозное строительство" сельской баньки при больнице было закончено через три года, после чего мой знакомий врач чуть не попал в психиатрическую больницу.

Приведенных примеров достаточно, чтобы хотя немного понять всю порочность советской государственности, бюрократичность управления и мелочность опеки над большим и малым. Мертвящий бюрократизм во всем хозяйстве страны, а также и в жизни советских людей затормозил нормальное развитие страны, сковал и опутал ее тысячами крепких нитей. Такова советская государственность.

Федор Герасимов.

ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В БОРЬБЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В 20-х годах прошлого столетия доктор Кинг в Англии советовал рабочим не тратить денег на забастовки, а употреблять их на учреждения потребительных и производительных кооперативов и на покупку земли, на которой безработные труженики могли бы заняться земледелием. Кинг не был революционером и его совет не был принят во внимание. В настоящее время гораздо более радикальные советы дает недавно умерший в эмиграции известный анархист Макс Неттлау. Его книга вышла в русском переводе в США и заключает в себе не только изложение взглядов Бакунина, Реклю, Кропоткина и т. д., но и собственные оригинальные мысли автора, сконцентрированные в статье под заглавием "Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса."

Будучи противником марксизма и не стоя на классовой точке зрения, Неттлау предлагает, как средство борьбы против злоупотреблений капиталистов, индивидуальное сопротивление рабочих. Если, например, хозяин магазина заставляет служащего обманывать покупателей, подсовывая плохой товар, то служащий должен отказаться от вредного для всех акта. Если фабрикант заставляет рабочих производить плохое сукно, то рабочие могут отказаться от такого производства и, по мнению Неттлау, найдут поддержку у потребителей. Впрочем, приведем цитаты из книги самого автора:

> "Капиталисты стараются, да и успевают, вернуть свою сумму, уступленную ими труду, усиленной эксплоатацией неорганизованных потребителей. Как известно, рабочие нимало не думают о публике и ее интересах в борьбе с капиталом, а это неизбежно ведет либо к повышению цен на продукты ,либо к ухудшению их качества. Таким образом, публика платит из своего кармана капитализму всю сумму, которая бывает вырвана у него борющимися рабочими."

Последними словами Неттлау подчеркивает бесплодность борьбы профессиональных союзов, которая не может быть плодотворной без "взаимной ответственности и солидарности" людей, как потребителей. Развивая дальше свою мысль, он пишет:

> "Стачки в общем ничего не изменяют экономически и нравственно, даже в случае победы стачечников. Денежная уступка хозяев взваливается на плечи потребителей и тяжелее всего чувствуется беднейшим из рабочих; и нравственный подъем духа у стачечников и их энтузиазм вполне уравновешиваются сетованиями и глухой враждой действительных плательщиков выигрыша."
>
> "Потребители, — пишет дальше Неттлау, — могут помочь стачке гораздо существеннее, чем денежными сборами и симпатиями: они, как потребители, могут наложить бойкот на хозяев — всемогущее средство в экономической борьбе."

Второю его "ересью," как выражается Неттлау, является его утверждение, что рабочие ответствены за исполняемую ими работу. Об этой ответственности до Неттлау не было и речи. Принято считать честным всякого, кто работает за плату, не разбирая, что он делает. Нет такого низкого и презренного вида труда, который вызвал бы угрызение совести у людей, им занятых, не говоря о возмутительном соперничестве людей всяких профессий и общественных положений, заявляющих желание занять место палача... С другой стороны ремеслами и производством занято несравненно большее число людей, которых никто и не думает укорять в этом. Здесь Неттлау имеет в виду громадное число рабочих, занятых постройкой скверных домов, выделкой плохой одежды, дурной пищи и т. д., и тем самым отравляющих жизнь и понижающих умственную

способность, деятельность и энергию организма их же собственных товарищей-рабочих.

В самом деле, кто строит трущобы, шьет скверное платье и приготовляет отвратительную пищу и напитки, покупаемые исключительно бедняками? Кто сбывает, навязывает их бедноте со всевозможными ухищрениями, лживыми уверениями и прямо обманом? Все это проделывается взрослыми, добросовестными, хорошо организованными и всеми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками, хотя делают они это по приказанию капиталистов и единственно для их выгоды.

Пока продолжаются оправдания, что моя хата с краю и что если не я, так кто-нибудь другой это сработает, до тех пор капиталисты будут держать массы в умственном и нравственном унижении и физическом истощении. Под этим подразумевает Неттлау ответственность рабочих за продукт их труда. Отсутствие такой ответственности унижает не только рабочих, но и предпринимателей. Неттлау советует фабричным рабочим и торговым служащим отказываться от производства вредных продуктов и продажи несвежей пищи.

"Разве приказчики не добились бы от хозяев, — спрашивает Неттлау, — удовлетворения многих из своих требований, еслибы они решили, что лгать перед покупателем ради хозяйской выгоды унизительно для их человеческого достоинства? Конечно, публика в этом случае стала бы за приказчиков и бойкотировала бы лавочника с его лавкою и скверным товаром." На это мы ответим, что не только публика или потребители поддержали бы честных приказчиков и рабочих, но и профессиональные союзы не отказались бы последовать ее примеру.

Еслибы то, что предлагает Неттлау, не осуществилось бы повсеместно, то все таки потребительные кооперативы привлекли бы огромное количество членов и взяли бы к себе на службу честных приказчиков. Недобросовестные предприниматели с их беззастенчивой рекламой прекратили бы существование, и кооперативное движение получило бы могучий толчек на пути своего развития.

Мысли Макса Неттлау, которые мы кратко изложили и которые он считает ересью, отчасти и раньше его были высказаны английским философом Джоном Рэскиным и великим русским моралистом Львом Толстым. Эти плодотворные мысли перекладывают центр тяжести социальной акции с массы на индивидуума, от морального подъема которого зависит мирное переустройство общества на началах справедливости.

Проф. В. Тотомианц.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

ВАСИЛИЙ САВЧУК

Русские балтиморцы похоронили 28 ноября 1952 г. Василия Савчука, одного из своих лучших организационных работников, большого идеалиста и последовательного сторонника безвластного движения. Друзья и товарищи предложили мне сказать несколько слов у его открытой могилы. Но ввиду того, что вдова покойного, убитая горем, приняла утрату дорогого мужа и отца четверых детей слишком близко к сердцу и глубоко страдала, прося воздержаться от всяких выступлений, дабы не придавать тяжелому моменту драматического характера, я отказался от произнесения речи, которая заключалась в следующих словах:

Друзья и товарищи! Костлявая рука смерти вырвала преждевременно из наших поредевших рядов т. Василя Савчука. Мы стоим у его открытой могилы, которая через 2-3 минуты примет в свои холодные объятия человека, с которым мы работали долгие годы в организациях, мечтая о лучшей доле и счастливой жизни всего человечества, задыхающегося в тисках государственного рабства, хаоса и эксплуатации сильными слабых. Василий Савчук, как и многие другие тысячи идеалистов-мечтателей, ушел от нас преждевременно, как жертва тяжелых экономических условий, которые невольно выпадают на долю рабочего люда.

Спи, дорогой друг и товарищ Василий! Да будет тебе свеже-воздвигнутый бугорок над твоим гробом — легким пуховым покрывалом. Пусть шумят деревья и поют тебе вольные птицы сладкие песни о счастливой жизни будущего человечества, о которой ты мечтал при своей жизни, и делал все, что мог для ее приближения. Пусть тропинка к месту твоего упокоения не зарастет травой и послужит добрым напоминанием о твоих возвышенных стремлениях оставшимся товарищам, несущим светлое знамя вольной жизни для всего человечества.

Мир и вечный покой да будет праху твоему, дорогой друг Василий! Склонив головы у твоей открытой могилы, мы говорим тебе наши последние слова: "Прощай!" *П.С.Ж.*

ПИСЬМО ИЗ ЯПОНИИ

Я предполагаю, что большинство из вас не знает Японии. После войны многие американцы посетили Японию, но они пришли, как победители, и японцы отнеслись к ним, как докучливым гостям. Не было возможности понять друг друга и общаться, как с друзьями.

Большинство японских интеллектуалистов отнеслось с пренебрежением к попыткам американцев научить японцев "американскому образу жизни." Да и что может быть общего между жизнью бедных стран, вроде Японии, и богатыми странами, которые эксплуатируют их? Когда Мк-Артур заявил, что умственный уровень японцев равен уровню 12-летнего подростка, мы возрадовались: возможно, что мы помолодели. Но, увы, это не так. В действительности тяжкое бремя старинной восточ. цивилизации (буддизм, конфуцианизм, шинтаизм и т. д.) всегда подавляло и подавляет надежды на возрождение. Многие американские мыслители заинтересовались этими учениями и стараются понять нас, а поняв, будут обращаться с азиатом, как с человеком.

Перед Азией стоят две проблемы, требующие своего разрешения: 1) изжить гнет мертвящей восточной цивилизации и 2) освободиться от угнетения и эксплуатации Европой и Америкой. Многие японцы серьезно желали ввести европейско-американскую культуру, чтобы освободить Японию от пут прошлого. Но европейцы и американцы не обращались с нами, как с друзьями, а всегда господствовали над нами, как над низшими. Поэтому многие японцы восстали против них и возвратились к старой мертвящей цивилизации. От этих социальных условий не может освободиться анархизм в Японии, где около 60 лет тому назад впервые раздался анархический клич. Если мы просмотрим историю этих лет, мы найдем, что многие анархисты погибли, как жертвы темной реакции. Так мы потеряли двух великих пионеров анархизма: Шиусуи Котоку и Сакое Осучи.

Котоку был первый, который ознакомил Японию с учением анархизма, и признанным вождем раннего социалистического движения. Он был казнен в 1911 году совместно с другими 11 товарищами. Это событие явилось второй "Чикагской Трагедией" Японии. Им было предъявлено обвинение (без всяких доказательств) в покушении на жизнь императора. Это был правительственный заговор для подавления анархического и социалистического движения.

В мертвящем затишье Сакое Осучи опубликовал "Современную Мысль," которая явилась возрождением анархизма. Но он, его жена и племянник были убиты военной полицией в 1923 г.

Борьба против зажима японского правящего класса означает смерть. Из-за географического положения Японии бегство заграницу исключено. Тогда для честного интеллектуалиста единственным выходом является самоубийство. Так покончили с собой поэт-анархист Шиунгету Икута и писатель-анархист Такео Аришима. Икута был блестящий талантливый поэт, но его искренность и честность погубили его. Аришима был сыном богатого помещика и он разделил свою землю между крестьянами.

Следует упомянуть еще о тех, которые одно время были борцами за свободу и права человека, а потом вернулись в лоно реакции — национализма, буддизма или коммунизма, т. к. отказались от анархизма. Является ли это утверждением того, что анархизм не пригоден в Японии? В действительности даже либерализм не может развиваться в нашей стране.

Если анархизм нельзя будет сделать в Японии влиятельной социальной силой, нас поглотит традиционный Восток, а это будет другая форма реакции. Я не думаю, что в ближайшие 5-10 лет анархизм станет такой силой, но мы наблюдаем заметное оживление в Индии и Китае. Мы можем полагаться только на самих себя, хотя наша борьба и вела бы нас к тюрьме и смерти.

Перед нами, японскими анархистами, стоит в настоящее время задача: подвергнуть строгому анализу социальные условия Азии и выработать теорию, которая соответствовала бы этим условиям. Если мы будем иметь успех в решении этой проблемы, мы сможем послать вам более утешительные сведения.

М. Осава.

"Резистенс."

КОЛИЧЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ

По данным Бюро Общественных Дорог, в 1952 г. было зарегистрировано 52 млн. автомашин, из коих 230,000 — автобусы, 9 млн. — грузовики, остальные — легковые автомобили. Все они сожгли за отчетный год 38,300 млн. галлонов газолина и нефти.

ВЕСТИ ИЗ ИЗРАИЛЯ*

...Простите, что так долго не писала. Во-первых, сильно действовали климатические условия, а во-вторых, хотелось видеть в молодом Израиле как можно больше, а мне ведь — не 20 лет.

Приехав в Израиль в начале февраля, пробыла месяц в кибуце (в деревне) и работала с кибуцниками (крестянами), хотя они и возражали против этого. Но нельзя не работать, когда все кругом много и тяжело работают, превращая пустыню в цветущий сад. К тому же у них большой недостаток в рабочих руках. (Написала также две больших статьи о Виленском гетто, которые напечатаны на иврите.) Затем повседневные заботы самообслуживания, радости, горести и огромная масса совершенно новых впечатлений и встреч с очень интересными людьми.

В кибуцах люди дверей не запирают, зовут друг друга по имени. В доме каждого кибуцника найдете репродукции с картин великих мастеров и полку с книгами. Везде чистота необычайная и много цветов.

Здесь, в Израиле, я поняла значение библейских слов — в поте лица будешь добывать хлеб свой. Человек: здесь много работает и это самое печальное. Многие болеют. Но здесь я научилась любить и поклоняться человеку.

Гостеприимство здесь — сказочное. У каждого, даже самого бедного, есть запасная кровать для гостя. В каждом доме в Израиле гость всегда найдет и кров, и пищу. Искренняя и подлинная человечность.

Природа Израиля красива своей разнообразностью: море и горы, камни и пески, жгучее солнце, пальмы и пустыни. Огромное впечатление произвела на меня пустыня. Не подумайте, что я объехала весь Израиль: некоторые рассказывают сказки, что Израиль можно объехать в полдня.

Уже третий месяц, как не могу нарадоваться на цветущие деревья и кусты. Куда ни взглянешь, — всюду цветы. Это целая симфония красок, форм и аромата. Я восторгаюсь местной флорой, но фауна досаждает, в особенности насекомые. Но человек всему научается. Главное — человек, добрые израильские сердца.

Меня здесь не только любят, но и балуют. Мне назначили пожизненную пенсию. На скромную жизнь хватает, если цены не будут слишком подыматься вверх. Имею жилплощадь в полторы комнаты. В том же доме, где я живу, имеется столовая, где получаю за сравнительно небольшую плату хороший обед. Только по субботам и праздничным дням надо самой готовить, а также думать о завтраке и ужине. Но труднее всего дается мне приспособление к жаре. Однако люди здесь умеют все побеждать, и я этому учусь. Умеют жертвенно защищать независимость страны и человеческую свободу, отражая сильных врагов почти без оружия, ибо не всегда имели достаточно даже ручных гранат. А враги шли с танками и самолетами...

Начинаю шить подходящие для местного климата платья. Но при жаре умственно и физически значительно труднее и медленнее работается. Затем ежедневное мытье, борьба со всякими жуками, необходимость два раза в день принимать душ. Все это отнимает много времени. Иногда даже болею от жары. Не мало промучилась пока решила вопрос, принять ли пенсию. Этот узел совести мудро разрешил И. З. Штейнберг. Теперь закончены послелагерные скитания и бездомность. Но еще поеду во Францию ликвидировать свои дела и попрощаться с друзьями и Европой, потом поселюсь в Израиле и больше разъезжать по свету не буду, только по Израилю раз в месяц, т. к. хочу хорошо ознакомиться с этой интересной во всех отношениях страной.

В духовной пище здесь у меня нет недостатка. Книги и журналы на русском, польском, немецком и французском языках могу получать здесь легче, чем во Франции, и читаю здесь больше. Во время обеденной жары приходится лежать полтора-два часа, редко засыпаю и время лежания пользую для чтения. В Тель-Авиве есть большая французская библиотека и книжный магазин. В моих руках всегда есть "Контакт," "Дер Монат," "Культура," "Новый Журнал" и другие издания.

Еще радость: узнала, что во Франции вышла очень интересная работа по истории литературы писателей-рабочих. Узнала также много других новинок, но всего не напишешь.

А.Ш.

---

* Автор письма — культурный работник. Во время войны и гитлеровской оккупации Прибалтики, когда нацисты целыми массами стали уничтожать евреев, т. А. Ш., рискуя собственной жизнью, спасла многих евреев от неминуемой смерти. За свой гуманизм по спасению ни в чем неповинных людей А. Ш. жестоко поплатилась: гестаписты подвергли ее страшным истязаниям. Эти избиения сделали ее почти инвалидом.—РЕДАКЦИЯ.

Исторический Отдел

ПОДЛИННЫЕ ГЕРОИ ТРУДЯЩИХСЯ

Великая мечта о свободе, о праве человека, о счастливой жизни манит к себе. За это идут на подвиг, на жертвы, на смерть лучшие из людей, которым обязан мир всем прекрасным, что достигнуто в области духовной и материальной культуры.

Мой друг, итальянец Тульяк, родился в бедной крестьянской семье, в цветущей Ломбардии. Щедрая природа отпустила много даров равнинам По: богатство лугов, плодородие нив, обилие фруктов, сытый скот. Но... крестьяне богатой Ломбардии батрачили у богатых землевладельцев, не имея достаточно земли, чтобы жить своим хозяйством и кормить семью.

Юноши и девушки оставляли родные кровли и уходили на работы. Ушел и он на суровую жизнь батрака в богатое монастырское хозяйство 14-летним юнцом. Рано прошел он суровую школу подневольного труда. Много испытал, перестрадал, передумал, и мучительный вопрос "почему?" встал перед ним рано. Почему так голодны и несчастны одни, но сыты и довольны другие? Почему, работая так тяжело с утра до вечера, ничего, нельзя собрать в свою житницу, но наполняется житница тех, кто не сеет и не жнет? Эта дисгармония между правдой природы и правдой человека привела его к "Крестьянским Речам" Малатесты.

> "Эта книга так захватила меня, что стала моим евангелием на всю жизнь, — говорил мне мой друг: — Я был счастлив, когда познакомился с Малатестой, я был еще совсем юн и несведущ, он был моим учителем и руководителем. Я узнал, что не один мой народ так беден и несчастен, что другие народы тоже страдают от несправедливости и что у этих народов есть друзья, которые борются за права человека, отдают свои жизни, томятся в тюрьмах или оставляют свою родину, чтобы сохранить свою свободу."

Малатеста познакомил его с произведениями Бакунина, Реклю, Кропоткина. Последний особенно захватил его:

> "Я был восхищен, когда прочел его статьи и узнал о нем, что он — князь, но как близко его сердцу горе народа! Он отказался от хорошей жизни для себя, чтобы достигнуть лучшей доли для своего народа. Этот знаменитый, мужественный человек сделался моим учителем на всю жизнь."

Тульяк, действительно, был освещен светлыми идеями великого друга человечества — Петра Алексеевича Кропоткина, и этот свет пронес через всю свою жизнь. Любовь к человеку, справедливость, свобода — вот чем зажгло учение Кропоткина этого ищущего правды итальянского рабочего.

В 1914 г. Тульяк был мобилизован, послан на фронт и в конце 1915 г. попал в австийский плен, где претерпел много лишений. Подошел 1917 год. В России вспыхнула революция. В плену Тульяк узнал об этом, и у него возникло твердое решение бежать в Россию и там бороться за свободу и права русского народа. Путь бегства был опасен, но мечта была осуществлена: он приехал в Россию и присоединился к восставшему русскому народу, принес ему свое горячее сердце и любовь.

Когда началось белое движение, Тульяк поступил в Красную Армию и принял участие в защите революции от наступающих реставраторов. Он был весь захвачен революцией, жил ею и в ней забывал самого себя. Он верил, как и многие другие, что Октябрь —дело народное, защита свободы, прав человека, борьба "за землю, за волю, за правую долю." Но очень скоро Тульяка ожидало горькое разочарование, удар, который он не мог пережить. Да и многие другие скоро убедились, что большевики предали дело Русской Революции, что контр-революция идет не только справа, но и "слева"—от большевиков и что государство-спрут становится еще страшнее, чем было.

Ловкие политические авантюристы, жонглируя ходкими лозунгами, заманчивыми обещаниями, завораживали трудящиеся массы светлыми картинами будущего. И народ поверил им, допустил обмануть себя, обокрасть и погубить. Но всякий обман длится недолго, так и обман авантюристов-большевиков был скоро раскрыт. Одни это поняли раньше, другие позже. Но роковая ошибка была совершена и поправить ее оказалось уже невозможно. Тульяк часто говорил мне: "Комиссародержавие, диктатура одной партии погубили великое дело народной борьбы."

В это время в стране господствовал красный террор. Бесконечные аресты, расстрелы, уничтожение всех партий и целых слоев инакомыслящих людей. В стране шла борьба с "контр-революцией," которую большевики видели кругом. Неустанная, страшная, жестокая работа "ЧЕКА" сделала эти черные

годы (1919-1921) ни с чем несравнимыми в истории. Тульяк ушел из Красной Армии и поселился в рабочем поселке Бежица, недалеко от г. Брянска. Он жил в семье рабочего Бежецкого завода. Семья, в которой были дети, голодала. Тульяк остро переживал страдания этой семьи и делился своим жалким пайком.

Тяжелая депрессия охватила его: погибло дело великой борьбы народной. Во имя этой борьбы он пришел сюда, в чужую для него страну, к чужому народу. Для этого дела он расстался со своей родиной, своим народом и семьей, по которым он тосковал глубоко и сильно. Часто говорил он о своей солнечной Италии и о своем народе. Все его рассказы были полны необычайной любви и тоски. Тульяк страдал, чувствовал, что никогда не увидит больше родного неба, не услышит родной песни. Одиночество томило его. Он не вполне владел русским языком, и это было преградой к общению с людьми, хотя с окружающими у него были всегда сердечные, дружеские отношения.

Самое горшее, что терзало его, — дело всей его жизни, — было поругано, осквернено, уничтожено. Нечистые хищные руки взяли знамя свободы и заменили его знаменем насилия. Это сжигало душу итальянского искателя правды. Страдания были непомерны и Тульяк застрелился...

Истинные борцы за свободу, как первые застрельщики, падают в борьбе, но дело их остается. И та звезда, которая светила им, не меркнет. И тот путь, которым шли они, не зарастает чертополохом.

А. Алексеев.

ШАХТЕР

Он был шахтер, простой рабочий,
Служил в Донецких рудниках,
Работая с утра до ночи,
Рубя пласты угольных шахт.
Как в стары годы, в годы НЭПа
Семья счастливая была.
Настали годы пятилеток —
Пришла тяжелая пора
Для горемычного шахтера:
Рубить тот уголь все сильней;
Советы нормы повышают,
Шахтер становится слабей.
Расценки низки, темпы быстры
Во всех советских рудниках.
Жить стало хуже, много хуже,
Шахтер стал каторжник в цепях.

И. Лушин.

1937 ГОД В СССР

Этот страшный год ни один честный подсоветский человек не может вспомнить без содрогания. Этот год, в который из среды народов, населяющих СССР, были вырваны и принесены в жертву миллионы лучших людей, вспоминают и сами НКВДисты, буквально плававшие в крови, которая текла так же обильно, как и слезы 200 миллионнаго народа, живущего в одном большом концлагере, имя которому — СССР.

В феврале 1937 года меня перебросили на Ташкентскую железную дорогу для замещения уже "выкорчеванных" (читай — уничтоженных) "врагов народа." Получил я 130 километров полуразрушенного пути, по которому курсируют со скоростью 60 клм в час поезда, оснащенные мощными паровозами серии "СО." Под тяжестью этих паровозов рельсы легкого типа, укладки 1905 г., часто лопались, вызывая крушения, в результате чего начальники участков пути и дорожные мастера исчезали в подвалах НКВД, как "диверсанты" и "враги народа."

За девять месяцев напряженной, почти сверхчеловеческой, работы днем и ночью, мне удалось относительно улучшить путь и я — "стахановец," беспартийный "большевик," меня превозносят местные и центральные газеты. Но в это время из 15 начальников участков 13 уже были в застенках НКВД. Меня вызвали на политическую переверку, и я чувствовал, что очередь дошла и до меня.

"Вашего брата расстреляла ЧК в 1920 г.?" "Ваша сестра сослана в Сибирь?"

Заявление о том, что я в момент расстрела брата имел только 9 лет, а сестра ушла из дому еще раньше, не помогло: меня зачислили в списки политических врагов советской власти. Меня начали травить, мой участок в 3 дня из лучшего превратился в худший, и меня из стахановца превратили во вредителя.

Через 15 дней получился приказ о снятии меня с работы и предании суду. Через два дня, после сдачи дел, меня арестовала ж.-д. прокуратура, и я попал в "камеру предварительного заключения."

После 14 дней "отдыха" в этой камере, размером 3½ на 3 метра, до отказа набитой людьми, которые кое-как устраивались на голом полу (я в ней был четырнадцатым) меня вызвали к следователю. У следователя я узнал, что за это время прокуратура успела раздать "роли" партийным и беспартийным большевикам и проделала с ними, видимо, не одну "репетицию." Мне было предъявлено обвинение во вредительстве и в анти-советской пропаганде. Допрос продолжался девять ночей и мне следователь предъявлял все новые и новые факты моего "вредительства," полученные от "свидетелей." Мне легко было их опровергнуть документами, имевшимися в делах участка, но следователь отказался эти документы приобщать к делу и, как я узнал позднее, они были изъяты и, очевидно, уничтожены. Не добившись от меня нужных показаний, необходимых для "показательного процесса," прокуратура решила передать меня областному НКВД. в камеру которого я и был немедленно переведен. Переночевав в камере, которая была так плотно набита людьми, что последние спали сидя на полу, прислонившись друг к другу, я на вторую ночь был вызван к следователю. Последний, ничего не спрашивая, прочитал заранее заготовленный протокол допроса, в котором

значилось, что я, завербованный в диверсионную группу человеком, которого я вообще не знал, получал от него задания производить вредительские и диверсионные акты и что некоторые акты были уже выполнены по моему заданию людьми, из которых я почти никого не знал, что я готовил диверсионный акт на правительственный поезд, шедший из Москвы в Ташкент и обратно (в нем ехали Каганович, Андреев, Крупская) и что этот акт только случайно не был выполнен и много других небылиц. Закончив чтение, следователь спокойно и вежливо предложил мне подписать протокол и этим закончить следствие. Я, конечно, отказался, заявив, что в нем нет ни одного слова правды. После этого заявления мне устроили очную ставку. Был вызван мой "вербовщик," он имел вид человека, дни которого сочтены. Уставив глаза в пол, он подтвердил, что знает меня, бывал у меня, завербовал меня и давал соответствующие поручения от имени группы. После этого он медленно был отправлен в камеру.

Несмотря на такой оборот дела, я все же отказался подписать протокол и следователь предложил мне "подумать и восстановить в памяти." Я стоял посреди комнаты, а следователь писал, читал. Пришел второй следователь. Первый, передавши меня, ушел, а я продолжал стоять и "думать" до утра. Утром меня скорее унесли, чем отвели в камеру. На следующую ночь я "стоял и думал" в пустой комнате, дверь из которой вела к следователю, возле меня сидел энкаведист. Утром я был совершенно мокрый, так как меня, лишевшегося чувств, обливали холодной водой и снова ставили на ноги. Такая пытка продолжалась 8 ночей. На девятую ночь, после решительного отказа подписать протокол, меня отправили не в камеру, а в "яму смерти." Эта яма находилась в досчатом сарае, внутри яма была выложена кирпичем, пол цементный ,на полу всегда стояла вода глубиною в 3-5 сантиметров, так как со стен вода текла от испарений; сверху яма имела отверстие для входа, которое всегда было открыто. Сидевшие в яме были в одних летних рубахах. Здесь сидели те, которые отказывались подписывать протокол. Просидев 6 суток в этой яме, я видел, как выносили из нее полумертвых людей и чувствуя, что мои силы истощаются, я согласился подписать протокол. Я был отправлен в камеру, где можно было даже прилечь, хотя бы и на голом полу: в этой камере я пробыл только одну ночь, а потом был перенесен в больничную камеру, где и пробыл 16 дней, находясь между жизнью и смертью. После относительного выздоровления, я был отправлен в областную Актюбинскую тюрьму.

В обширное здание тюрьмы не было никакой возможности втиснуть всех "врагов народа" и вновь поступавшие помещались до очередного этапа в лагерь в обыкновенном досчатом сарае, без пола и потолка. Был конец февраля, стоялы 25-30 градусные морозы, мы ложились спать на голую землю без всяких постельных принадлежностей, и я не раз примерзал к ней. Но вскоре места освободились, этап был отправлен и я попал в камеру. Это была комната размером 6х3 метров, с нарами из нестроганых досок, люди размещались на нарах и под нарами. В этой комнате нас было 49 человек. "Баланда" (ржаная мука, часто прелая, жидко заваренная в кипятке) без жиров и даже без соли, 2 раза кипяток и 300 гр. хлеба, составляли дневной рацион заключенного. Спасением были передачи, которые тут разрешались. Однако далеко не все их получали. Массовые заболевания, особенно цынгой, и невероятно высокая смертность были результатами такого питания. Только в тюрьме я узнал, что Актюбинский НКВД арестовал почти весь технический персонал, рабочих и служащих Актюбинского Аэродрома. Им предъявили обвинение в подготовке вооруженного восстания по заданию Бухарина, который, проезжая из Москвы в Ташкент и обратно, останавливался тут на пару часов. Я был причислен к ним, хотя я ни одного человека из этой группы не знал. 18 апреля 1938 года меня доставили снова в НКВД, теперь уже для окончательной расправы. Из Москвы прибыл военный трибунал и разбирал дело нашей группы при закрытых дверях. Суд был оригинальный: каждый подсудимый вводился отдельно в залу заседания, председатель спрашивал имя, фамилию, год рождения и признает ли подсудимый себя виновным. После отказа признать себя виновным секретарь читал протокол допроса, а после заявления подсудимого, что его заставили подписать протокол, он уводился из залы и допрос заканчивался. Допрос заканчивался и тогда, когда подсудимый не отказывался от протокола предварительного следствия. За 4 часа было пропущено 22 человека и суд удалился на совещание. На следующий день, также по одному, подсудимые вводились для выслушаний приговора.

Лица, приговоренные к расстрелу, уводились через правую дверь, остальные через левую. 16 человек были приговорены к расстрелу. Эти несчастные, ни в чем неповинные люди, на следующую ночь были расстреляны. Остальные 6 человек были приговорены к 20 и 25 годам заключения в исправительных лагерях и были отрправлены в тюрьму, а оттуда разосланы по разным лагерям.

В начале мая меня вывели на "этап." — 12 двухосных товарных вагонов стояли в "тюремном тупике." В каждом вагоне было 45 заключенных. Прибывший вскоре из Армении эшелон прицепил наши вагоны и отправился дальше. Никто не знал куда идет этот эшелон смерти, куда повезет он свои коробки-гробы. Эшелон шел сумашедшей скоростью и останавливался только для прицепки таких же коробок. На остановках вагоны тщательно остукивались, — искали "диверсий," не бежал ли кто вырезав доску. После 36 часов пути эшелон остановился. Часть станции, куда загнали наш эшелон, была оцеплена охраной НКВД. Началась выгрузка. Только теперь мы увидели, что наш эшелон состоял из 64 вагонов, имел двойную тягу, был оборудован прожекторами и почти у каждого вагона охранник. Начальник эшелона сдал нас охране лагеря. При сдаче выяснилось, что 4/5 заключенных, заочно осужденные тройкой НКВД, не знали, за что, по какой статье и насколько лет они были осуждены. Только теперь им объявили статью и срок заключения, не называя, однако, состава преступления. Все они получили от 5 до 10 лет.

После приема, нашу колонну приблизительно в 2,800 человек, оцепленную автоматчиками и собаками, погнали, пешком в лагерь, расположенный в лесу в 20 км. от станции. При переходе многие заключенные были застрелены: конвой стрелял в упор при отклонении вправо или влево, хотя бы на шаг, усматривая в этом "попытку к бегству." Вечером нас пригнали в 1-й участок лагеря. Это был большой прямоугольник, обнесенный стеной колючей проволоки, через каждые 60-70 мтр. стояла вышка, на которой находился охранник ,ночью между вышками сторожили еще собаки.

Нас поместили в наспех сбитые досчатые бараки с двухэтажными двойными нарами, на 300-400 человек каждый. Никаких постельных принадлежностей не было, заключенный, после тяжелой работы, спал на голых досках при температуре в зимнее время, часто ниже нуля. Советское государство наибольший рабовладелец, которого только знает история, установило такой жестокий режим для своих рабов, что смертность в одном только 1-м участке, в котором находилось 1,800-2,000 заключенных, часто превышала 30 человек в день.

Заключенных поднимали в 5 часов утра и после завтрака: несколько ложек пшенного супа или перловой каши, разводили на работу. Летом работа продолжалась с 6 часов утра до 9 часов вечера с часовым перерывом на обед. Кроме куска хлеба, который заключенный приносил из лагеря, никто ничего на обед не получал. После работы заключенный снова получал кашу или горох, а также в зависимости от норм выработки, хлеб. Все должны были работать по "стахановским нормам." Выполнивший норму получал 800 грамм хлеба, перевыполнивший 1000-1200, а не выполнивший от 300-600 грамм. Те, которые систематически не выполняли нормы, заключались в особый изолятор, где дневной рацион был: 300 грамм хлеба и чашка супа. Непосильные нормы выработки при абсолютно недостаточных нормах питания, быстро ослабляли организм заключенных. Число не выполняющих норм выработки росло и питание соответственно уменьшалось, что ускоряло смерть. Только получавшие посылки могли кое-как поддерживать свой организм. Однако посылки выдавались один раз в месяц и только тем, которые перевыполняли норму выработки, посылки же для невыполнявшим норм отправлялись обратно. После ужина, заключенные должны были присутствовать на всякого рода "производственных совещаниях" и лекциях, прославляющих сталинскую конституцию и советское государство. Заключенные, которые не посещали эти лекции, брались на особий учет и вскоре бесследно исчезали. Таким образом заключенный с 5 часов утра до 11-11½ часов ночи совершенно не имел отдыха. Выходные дни, с ранней весны и до глубокой осени, получали один раз в два месяца, только зимой получали чаще. Обмундирование летом, как правило, не выдавалось и заключенные работали в страшных лохмотьях и босиком, только зимой около 30-40% заключенных, в первую очередь стахановцы получали одежду и то большей частью старую. Зимой особенно страдали армяне, туркмены и все остальные из республик с теплым климатом. Они, работая полураздетыми при 30-35 градусах мороза, гибли, как мухи, и похоронная бригада в 25 человек не успевала хоронить умерших.

Побеги из лагеря были часты, но 95% пытавшихся бежать были или убиты или, избитые стражей и искусанные собаками, возвращались в лагерь и получали еще "добавок."

Во время войны из заключенных составляли штрафные батальоны, которые отправлялись на фронт. Огромное большинство их погибло от немецких пуль, однако, некоторые попали в плен и отказались вернуться "домой." Теперь их долг рассказать миру о преступлениях Сталина и его клики.

Я коротко рассказал только об одном лагере, состоящим из 4 участков, в которых было 80-90 тысяч заключенных, а ведь такими лагерями усеян весь СССР.

Все более или менее значительные сооружения последних 30 лет построены руками и на костях лучших людей, имя которым в советском союзе — заключенные.

А. Крушевич.

МЕДИЦИНА В СССР

В Париже вышла на французском языке книга женщины-врача Иды Лазаревич под названием "Медицина в СССР" (Dr. I. Lazarewitch, "La Medicine en USSR," Paris Les Iles d'Or. 219 pp.), состоящая из 26 глав.

Книга представляет редкий интерес и читается с неослабевающим вниманием от начала до конца. Французская печать дает очень хорошие отзывы об этой книге. Журнал "Контакт" в № 28 посвятил большую статью книге т. Лазаревич. Самое ценное в этой книге то, что она опирается не на данные тех, из коих одни видят в СССР идиллию, а другие — ад, и не на показаниях врачей и сестер, которые были в СССР во время войны, а на факты, приводимые из **официальной советской медицинской печати,** которая, как известно, подвергается строгой цензуре. Автор оперирует данными 1948-1952 гг.

Биологией Мичурина и физиологией Павлова, двух русских гениев, заинтересовался диктатор Сталин, которому хотелось при их помощи создать философию централизма тоталитарного государства и управлять природой человека. Советские ученые мужественно боролись против профанации учения Павлова челядью диктатора и им пришлось покинуть свои кафедры в университете.

Во второй главе д-р Лазаревич дает яркую картину уничтожения психиатрической науки в СССР и трагического положения русских психиатров. Старых ученых с известными именами слуги режима принуждают каяться и сажают их на школьную скамью, чтобы они познали "настоящую материалистическую психиатрию," независимую от идеологии иностранных школ. В третьей главе автор разбивает на голову д-ра Лафита, который в литературной комгазете "Летр Францес" пишет, что французские коллеги должны позавидовать советским врачам, работающим 5-6 часов в сутки. Опираясь на советские данные, Лазаревич доказывает, что в СССР врачи работают 8,5-9,5 часов плюс совместительно.

Большой интерес представляет глава "Борьба с туберкулезом." Советская печать возмущается, что буржуазная медицина склонна изображать туберкулезных, как прокаженных, изолировать их из трудовой и семейной обстановки и помещать их в санатории. Советская медисина считает все это лишним и тяжелым для государства бременем. За исключением некоторых отраслей хозяйства, советские туберкулезные могут работать на фабриках и в бюро, могут жить в семьях, необходимо лишь принять соответствующие меры. Только реакционеры могут протестовать против работы туберкулезных, в советском же союзе их трудом не брезгают. (Видно, что коммунисты — очень больше "прогрессисты"!) Для слабых туберкулезных они признают, что после дневной работы нужны ночные санатории. Правда д-р Лазаревич: ночь не может поправить того зла, которое причиняет ра-

бочий день туберкулезному. Абсурден и преступен тот режим, который до последней возможности эксплуатирует туберкулезных. И это совершается в "самой передовой" стране мира.

Инвалиды войны и труда исчисляются в СССР тысячами. Они нищенствуют и годами ждут протезов, т. к. фабрики протезов заняты изготовлением саквояжей и дамских поясов. В книге ярко показано, как эксплоатируются последние возможности инвалидов. К сожалению, в советской печати нет мужества поставить научно вопрос: имеет ли медицина право давать советы, как выжать последние силы из инвалидов?

О безболезненных родах в СССР для заграницы было написано много трескучих статей. При чтении этой главы мне вспомнилось лечение рожи, виденное в детстве: бралась синяя бумага от сахарной головы, ее нашептывали и привязывали к больному месту. Бывало, что от этого выздоравливали. К "чудесам" безболезненных родов в СССР применяются т. н. "психо-профилактические" меры: беременным женщинам внушается путем индивидуальных и коллективных лекций о "мобилизации воли," что роды — естественное безболезненное явление. Вот и все. А если в результате оказывается много искалеченных женских жизней, то тем хуже для рожениц — они не восприняли "безболезненной науки."

Как в калейдоскопе проходят одна за другой картины недостатка самых примитивных медикаментов, инструментов для больниц, клиник и детских домов, нет мебели, белья, скорой помощи. Подготовка медицинского персонала сильно хромает. Многие кафедры пустуют. Нет учебников. На медицинских факультетах много часов уделяется на "идеологическую" подготовку. При экзаменах партиец со слабыми медицинскими познаниями скорее пропускается, чем наоборот. Количество женщин в индустрии все увеличивается и раздаются жалобы матерей на плачевное положение детских яслей даже в таких центрах, как Ленинград и Москва. Санитарная часть поставлена еще хуже: не везде имеются ватер-клозеты.

"Самая передовая" страна в мире прививает шовинизм и ненависть к медицинской науке других стран. Советским ученым запрещены общения с учеными других стран; они не имеют права сообщать заграницей о своих открытиях. Ученые страдают, когда их принуждают раскаиваться якобы в своих научных заблуждениях.

Тоталитарный централизм, экономическая бедность, полное игнорирование человеческой личности. приношение в жертву мелкой индустрии ради крупной, подготовка к новой войне — главные причины несчастий в России.

В конце книги автор приводит подлинники раскаяний советских медицинских работников и слабую подготовку медицинского персонала. В наш век технического прогресса существует **полная изоляция** советской медицины от западной. Очень мало книг, рисующих подлинное положение медицины в СССР. Поэтому книга д-ра Иды Лазаревич заслуживает большого внимания широких кругов читателей и перевода книги с французского на русский и другие языки.

А.Ш.

ПОМОЩЬ БОЛЬНОМУ ТОВАРИЩУ

Великий гуманист П. А. Кропоткин, выступая против капиталистической тенденциозности, придаваемой учению Дарвина, что в борьбе за существование выживают только сильные **за счет слабых**, развил и обосновал теорию Взаимной Помощи, как основу жизни, издревле практикуемую в животном царстве, в том числе и в человеческом обществе — среди людей. И только благодаря взаимной помощи, слабый человеческий род размножился и достиг своего нынешнего могущества и благосостояния, которое в значительной степени снижается вследствие алчности правящих групп, стремящихся держать в порабощении собственных братьев и от времени до времени устраивающих мировые бойни. Кропоткин верил, что люди, кооперируя и помогая друг другу, эволюционируют и достигнут совершенства, как и надлежит быть справедливому и честному человеку — царю Природы.

Что выводы Кропоткина вполне правильны и верны, доказательством служат многочисленные факты взаимопомощи, практикуемой людьми в повседневной жизни. К повседневной практике взаимной помощи нужно причислить и следующий случай: у нас заболел один товарищ; болезнь потребовала лечения, а лечение денег, которых не было. Товарищи решили помочь собрату, организовали Комитет и приступили к сбору средств на лечение больного. В короткий срок собрали свыше 700 долларов! Вот она и взаимная помощь!

Отрадно отметить, что все, к кому обращались члены Комитета устно или письменно, откликнулись на их зов. Некоторые даже очень щедро откликнулись. Вот имена жертвователей: Ф. Коваленко — 100 д., С. Медынич — 50 д., М. Хведченя — 50 д., А. Яцук — 50 д., И. Волков — 30 д., А. Гром — 25 д., И. Черный — 25 д., А. Шаврук — 25 д., П. Б. — 20 д., Н. Новин — 20 д., М. Рудов — 20 д., Г. Морозов — 15 д., В. Шурхай — 15 д., А. Федоринчик — 15 д.; **по 10 д.** — И. Ковалев, Е. Моцегуд, С. Пашкевич, М. Радивончик, К. Левчук, В. Торба, С. Павлов, Т. Шумович, М. Волынский, С. Смирнов, С. Гельчук, Н. Гвай, А. Хрипливый, В. Радуха; **по 5 д.** — Д. Масловский, И. Тутин, Е. Ситер, И. Бурдыко, М. М., И. Стецюк, Н. Олейник, Т. Кузьмицов, И. Федоришин, Р. Корень, Н. Лисюк, К. Крутель, Н. Прокопенко, А. Максимчук, К. Полейко, А. Омельчук, И. Чуган, В. Антонюк, М. Лавчинский, К. Талан, Г. Резанович, А. Фищенко, Н. Демидович, П. Руль, Я. Тимощук, А. Марченко, Ф. А. и В. Е.; Емельян Никонович — 4 д.; **По 3 д.** — А. Слесарчик и И. Полюбанский; Неизвестный—2.50; **по 2 д.** — А. Бабич, Н. Басенков, М. Громиков, И. Сивко, И. С., М. Зайцев, Н. Янушик; **по 1 д.** — С. Гурин, А. Гойник, В. Ольховик, И. Гилевский, И. Лукович, М. Дедоский, П. Ришкель, Р. Гремлюк, Н. Черник, С. Грабовский, С. Ткачук, П. Шаров, К. Зинкевич, И. Соколович, М. Федоришин, А. Шкилевич, И. Корень, И. Войтич, В. К., И. Д., М. К., А. Ждан, Р. Кисель и К. Верховец; А. Кунко и П. Кузьмицкий по 50 с.

В сборе средств усиленно поработали: Груня Павлова и Фаня Морозова. Комитет им весьма обязан, приветствует их активность и вместе с больным выражает им глубокую признательность, а всем жертвователям приносит искреннюю, от всего сердца, благодарность.

КОМИТЕТ.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПАРИЖ, Франция. — Ежемесячный журнал "Preuves," выходящий третий год в Париже, проявляет объективное и сочувственное отношение к анархической литературе. В № 24 за февраль 1953 года помещена большая статья Андрэ Прудомо — "Кропоткин или революционный оптимизм." Автор излагает кратко учение Кропоткина и останавливается на его биографии, подчеркивая светлую личность Кропоткина, как борца за свободу и права человека: Кропоткин был единственный, который посмел перед большевиками открыто выступить против заложничества вообще и в частности заступиться за врангелевских офицеров-заложников.

Вслед за статьей Прудомо печатается на девяти страницах отрывок из книги Джорджа Вудкок и Ивана Авакумовича "Петр Кропоткин, князь-анархист," которая только что появилась во французском переводе в издании Кальман-Леви. Отрывок снабжен тремя фотографиями Кропоткина: Кропоткин-юноша в военном мундире 1861 года, Кропоткин в 1919 году по рисунку Аненкова, Кропоткин в гробу. Эта статья снабжена 5,000 примечаний, взятыми из интересной книги Планша и Делфи "Кропоткин," а также из статьи тех же авторов, напечатанной в "Либертер" в 1920 году. В резюме журнала сказано:

"Жизнь Кропоткина в частности написана им самим в скромных воспоминаниях, где он рассказывает больше о других, чем лично исповедуется (Изд. Сток). С того времени появились две биографии: одна обширная, непревзойденная, а другая равная ей по безграничной преданности памяти мыслителя и бойца, умершего в 1921 году, написаны людьми, которые считают себя его последователями.

"Французский рабочий Фердинанд Планш, автор книги "Луиза Мишель" и цикла романов "Дюролл," написал в сотрудничестве с Жаном Делфи книгу "Кропоткин," обильно иллюстрированную неизвестными фотографиями. Этот эскиз из 200 страниц не может считаться произведением профессионального историка, но привлекает интимно-дружеским тоном и точностью документации, что Кропоткин так любил.

"Канадский рабочий Джордж Вудкок, известный как писатель, борец и эрудист (его биография Вильяма Годвина служит авторитетом и была откровением со времени своего опубликования в 1947 году) сделал еще лучше. Благодаря своему глубокому познанию интернациональной либертарной литературы и благодаря сотрудничеству с русским писателем Иваном Авакумовичем, он смог написать и издать на английском языке капитальное произведение "Kropotkin, the Anarchist Prince."

Газета "Либертер" от 30-4-53, № 358, давая отзыв о книге Вудкока и Авакумовича "Петр Кропоткин, князь-анархист," пишет, что "Книга, посвященная князю Кропоткину, не только биография очень интересной и симпатичной личности, но также и, главным образом, — более или менее игнорированная история анархического движения в Европе и его косвенное или прямое влияние, которое оно оказывало на политические события с 1860 по 1920 годы."

А.Ш.

МОЗЕЛЬ, Франция. — ...Махно был совсем не зверь, каким изображают его большевики и монархисты. Еще не известно, кто был жесточе — Махно или большевики: Махно был беспощаден в бою, но вне боя, в мировой обстановке, у него много было и работало его политических противников, которых он не сажал в тюрьму и не расстреливал, как это делают большевики.

В.Т.

ВАТАНИЯ, Израиль. — Многоуважаемый г. Черный! Примите мою сердечную благодарность за присланные Вами журналы. На такой подарок я вовсе не рассчитывал, и это было для меня приятной неожиданностью. Для меня, сравнительно недавно покинувшего Россию, иметь возможность читать литературу, свободно высказывающую различные мысли, еще не привычно, а потому естественно, как проголодавшийся, я с жадностью набрасываюсь на все. К сожалению, в Израиле не все можно достать, а то, что есть, дорого и сопряжено с немалыми трудностями поездки в Тель-Авив. При всей мрачности нашей жизни здесь и материальных затруднениях — единственной радостью является печатное свободное русское слово. Еще раз большое спосибо.

Д-р Бреннер.

ДЕГЕНДОРФ, Германия. — Дорогие товарищи, пребывая в Германии с 1945 г. по сегодня, пришлось пережить многое. Годы идут за годами в ожидании чего-то лучшего, которого нет, а с годами проходит и жизнь человека: морщины покрывают лицо, организм дряхлеет и человек стареет, в борьбе слабеет.

С переходом ди-пи на немецкую экономику нам стало житься еще хуже. Нас немного здесь: более здоровые числятся на местной бирже труда и получают небольшое денежное пособие от безработицы, а более слабые состоят на иждивении города, получая гроши на свое пропитание. Последние два с половиною года я — безработный и нет никакого выхода, ибо нас, ауслендеров, не желают посылать на работы, а если и посылают кого, то только в октябре или ноябре, когда идут сплошные холодные дожди и легко схватить простуду. Поэтому и живется нам в Германии, как у злой мачехи.

В июне 1951 года я зарегистрировался на бирже труда и одновременно начал лечиться у немецкого врача от ревматизма. Скоро мне предложили работу с выездом во французскую зону. Я стал просить дать мне работу в городе, чтобы я мог продолжать лечение. В этом мне отказали, я рискнул и не поехал на работу. За это меня оштрафовали: за 4 недели не выдали мне безработного пособия. Потом я узнал, что это была месть со стороны двух коммунистов, работающих в биржевом комитете, в котором я состою на учете. Они оштрафовали меня за то, что я принес им в бюро антисталинскую литературу. Узнав политическую подоплеку, местный суд освободил меня от штрафа, наложенного на меня политическими жуликами, которые сильно потрясли мои расшатанные нервы.

Единственным моим утешением в беспросветной жизни является анархическая литература, читаю ее с захватывающим вниманием. Особенно поучительны книги А. П. Кропоткина, М. А. Бакунина, Жана Грава, Льва Черного, Макса Неттлау, воспоминания Нестора Махно и многие другие, которые открывают рабочим глаза на несправедливое устройство современного человеческого общества и указывают на корни зла, почему эксплуататоры жиреют и бесятся, а бедные рабочие часто не имеют куска насущного хлеба. Много помогает в ориентации и журнал "Дело Труда-Пробуждение," пра-

вильно освещающий многие жизненные вопросы и мировые события. **И. Волго-Дунайский.**

САНТИЯГО, Чили. — Дорогие товарищи! Русским в Чили живется не особенно сладко. Физический труд тяжелый, мизерная оплата, нет никаких законов об охране труда, в том числе женского и детского. Русская колония почти вся состоит из эмигрантов-монархистов, приехавших главным образом из Югославии. Есть группа "солидаристов," которые в контакте с монархистами. Оба эти течения участвуют в так называемом "русском доме."

Чили — страна отсталая во всех отношениях и русские стараются удрать от сюда. Особенно большая тяга у них в Канаду. Чили стоит перед "переменой" в связи с дружбой нового президента Абанеца с диктатором Аргентины Пероном, который приезжал в Чили и выступал с речами, копируя речи и движения Муссолини. Письма от русских в Аргентине говорят о терроре, особенно в последнее время, когда оппозиция приступила к бомбометанию... Выборы в чилийский Конгресс не дали сторонникам Ибанеца большинства; социалисты и аграрная рабочая партия провели много своих депутатов. Коммунисты плетутся в хвосте. **М.Ф.**

БОСТОН, Масс. — Уважаемые товарищи, благодарю вас за журнал "ДТП," который получил, и посылаю в фонд журнала три доллара. Знаю, что моя лепта для существенной поддержки журнала не достаточна, но жестокая бедность не позволяет мне послать больше. Буду и в дальнейшем оказывать помощь журналу по силе возможности, дабы активным участием не дать угаснуть светильнику свободы.

Всякий, любящий свободу, знает, что в жизни есть два пути: путь свободы и путь угнетения. Если признаешь диктаторскую власть над собой, это значит, что добровольно отказываешься от свободы, а свободолюбец обязан проверить себя, хорошо ли подготовлен он к свободе и готов ли помочь угнетенному освободиться. Подлинная, настоящая свобода не значит произвол или делай, что хочу, нет, она означает не причиняй зла или вреда другим. И многое из того, что мы делаем сегодня и называем свободой, совсем не соответствует законам жизни, хотя мы и тяжело работаем, производим, изобретаем, но только то, что ведет к нищете и разрушению. Ведь веками льется человеческая кровь под лозунгами "за свободу" и кажется, что люди недалеко от цели, но вдруг обрывается нить и свобода вновь попирается ее врагами, а пролитая кровь остается поруганной. Причина неуспеха лежит в том, что люди, лицемерно кричащие о свободе, достигнув власти, убивают свободу.

Лидеры политических партий, стремящихся утвердить свою власть, хорошо знают, что порабощенные народы всегда желают перемен, поэтому, чтобы привлечь народ на свою сторону, они осыпают народ соблазнительнейшими посулами, обещают всякие свободы, даже стараются найти более сильного бога, чем бог их противников. Кто был в лагерях ди-пи в Германии, тот видел этих "спасателей народа." В каждом лагере партий было больше, чем национальностей, и все они являлись питомниками всякой партийной чумы. Надо отметить, что все эти малюсенькие партийные царьки были прожженые плуты, воры, шовинисты, подлецы и негодяи: они выматывали из страждущих ди-пи последние силы, облагали их всякими сборами, обманывали и обкрадывали. Наглее всех были украинские самостийныки.

Находясь в лагере ди-пи, я познакомился с пожилым украинцем, очень рассудительным, толковым человеком, который не питал никакой симпатии к самостийныкам, часто приходил ко мне и брал журнал "ДТП" и книги Кропоткина для чтения. Все свое уважение он отдавал идее анархии. Он рассказывал, что служил в Москве в царское и революционное время и что имел случай разговаривать с Кропоткиным, а впоследствии присутствовал на похоронах великого идейного борца за безвластие. Однажды этот человек пригласил меня на доклад представителя самостийников, которым очень не нравилось, когда на их собрания приходили русские. Самостийник закончил свой нелепый доклад такими словами: "Многостраждущий украинский народ! Все, как один, великий и малый, помолимся нашей заступнице божьей матери и встанем в борьбе за освобождение! Николай Угодник с обнаженным мечом встанет против нашего врага — москалей, веками угнетающих великий украинский народ! Да здравствует вильна Украина!" Слепые самостийники разразились громкими рукоплесканиями.

Мой приятель-украинец сидел спокойно и я спросил его: "Почему вы не аплодируете на столь трогательные призывы?" А он в ответ говорит мне: — "Боюсь, что бы преждевременная радость не была хуже горькой обиды, я сначала должен узнать, какой национальности Николай Угодник. Ведь и вы, русские, тоже крепко молитесь Николаю Угоднику. А вдруг он перейдет к русским, тогда мы, украинцы, потеряем всю надежду на освобождение."

Разумеется, такими призывами, какие выкликают "самостийники," свободы не достигнешь. Всякий фанатизм есть безрассудность, умопомрачение. Он злейший враг свободы, ибо не терпит никакой иной веры, тогда как свобода есть право каждого на свои собственные убеждения. Правящие классы не делают никаких усилий, чтобы рассеять этот мрак невежества. Партийцы строят свои княжества, а духовенство разных вероисповеданий призывает нас, обреченных на убой, к терпению и молению. "Молитесь и терпите, говорят они, бог знает, что делает. Приближается страшный суд, а там и рай небесный. Молитесь, чтоб сокрушить врага и супостата. Господь помянет павших на поле брани." И духовно искалеченный человек остается слепым и глухим, молится, чтобы побить родного брата.

Политических перемен в мире будет еще много, но свободу люди обретут лишь тогда, когда они перестанут быть слепым орудием в руках их поработителей, принуждающих народные массы жить в нищете и под вечным страхом. **С. С—нов.**

ЛУИСТОН, Пенн. — Уважаемые друзья, посылаю 1 д. на поддержку журнала "ДТП." Очень извиняюсь, что сразу не могу больше выслать, т.к. очень мало зарабатываю. В будущем надеюсь выслать больше и чаще. **И. Ри.**

ВИННИПЕГ, Канада. — Уваж. товарищи, благодарю вас за журнал "ДТП," который получил, и посылаю в фонд журнала два доллара. **О. Давгалюк.**

АБЕРДИН, С. Дакота. — Уваж. товарищи, чтобы упрочить финансовое положение "ДТП," посылаю в фонд журнала 5 д. и желаю успеха в вашей нелегкой работе на благо человечества. **А. Рус.**

БЕТЛЕГЕМ, Пенн. — Уваж. товарищи, посылаю чек на 20 д., из коих 5 д. за журнал и 15 д. в издательский фонд журнала "ДТП." **О. Ульчик.**

ИНТЕРНЭЙШОНАЛ ФОЛЛС, Минн. — Уваж. товарищи, посылаю в издательский фонд журнала "ДТП" 5 д. и желаю вам здоровья и успеха в борьбе за свободу порабощенного человечества.
С тов. приветом **И. Степовой.**

РОЧЕСТЕР, Н. И. — Уваж. товарищи, извиняюсь, что с опозданием шлю в издательский фонд журнала 5 д., но, как говорят, лучше позже... **Г.Д.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Дорогие товарищи, посылаю на "ДТП" 5 д. Становится грустно оттого, что старые товарищи уходят в небытие, а молодежь американская и канадская почти ничем не интересуется. Наша красная эмиграция почти такая же, как и белая. В большинстве она ничем не интересуется и ничего не хочет знать. По этой причине всякие политические проходимцы обманывают их и, обещая золотые горы, завлекают в свои сети. Даже сталинская "наука" не пошла впрок. **Г. Р—ич.**

С-ФЕЛИСЬЕН, Канада. — Дорогие товарищи, посылаю вам 4 д. в счет подписки на "ДТП." Жизнь здесь очень тяжелая для молодежи. Работы в лесах нет, только в шахтах, где я теперь и работаю. Шлите мне журнал. **И. Иванов.**

ХАРТФОРД, Конн. — Уважаемая Ред. Коллегия, посылаю вам денежным переводом 20 д., которые составились из следующих сумм: за книгу М. Неттлау — 2 д., за проданные номера журнала — 5 д., в издательский фонд "ДТП" — 13 д. (3 д. от С. К. и 10 д. от Ф. В.). Наилучшие пожелания. **Ф. Воробьев.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган.—Уваж. товарищи, посылаю вам 35 д., из коих за журнал — 20 д. и в фонд "ДТП" — 15 д. (И. Черный — 5 д., К. Крутель — 5 д. и супруги Морозовы — 5 д.). Одновременно мы выражаем нашу глубокую признательность и сердечную благодарность жене покойного Ивана Иванченко, которая передала через нашего доброго друга Гр. Кипеня все книги ее умершего мужа в нашу библиотеку. Выражаем также нашу благодарность Е. Бартощуку. Мы верим, что и другие последуют их примеру и передадут свои книги в объединенную Библиотеку Профсоюза, Кооперативного Общества и 72 Отдела РООВА. **И.Ч.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Уваж. товарищи, уведомляю вас, что я отпраздновал свой 65-летний юбилей, и посылаю вам пять долларов, из коих 3 д. — в издательский фонд журнала и 2 д. для больного товарища. **В. Шехов.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Уваж. друзья, посылаю вам в фонд журнала "ДТП" свой однодневный заработок в сумме 5 д. Среди русской колонии в начале года шли разговоры о создании в Чикаго еженедельной русской газеты, но из разговоров ничего не вышло. Повидимому, причина та, что публика постарела и не имеет больше энергии работать на благо общества. Это с одной стороны, а с другой — за неимением в Чикаго прогрессивной русской газеты русские чикагцы питаются в большинстве большевицким хламом. **С. Качула.**

ЮНГСТАИН, Охайо. — Многоуваж. тт. "ДТП," посылаю вам мою подписку на журнал в сумме 2 д. Жалею, что не могу послать больше, т. к. из-за болезни уже три года не работаю и лечение требует больших расходов. **Н. Кусси.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уваж. товарищи! Посылаю вам 22 д., которые составились из следующих сумм: 15 д. — пожертвования на "ДТП": Татьяна Савчук — 10 д. и С. Щерба — 5 д.; 5 д. — выручка за № 40 журнала; 2 д. — подписка на журнал "ДТП" от т. Янука. **Ф. Середоенко.**

ЛОНГЛЭК, Канада. — Многоуваж. делотрудовцы! Посылаю вам в издательский фонд журнала "ДТП" два доллара. Если имеете номера журнала за 1952 год и за 53-й, то, пожалуйста, пришлите их мне, я с удовольствием прочитаю их. За 1950 и 51 годы номера "ДТП" я прочитал и благодарю вас.
С тов. приветом **Н. Шипулкин.**

ТОРОНТО, Канада. — Уваж. товарищи "ДТП"! Посылаю вам почтовым переводом 7 д. в счет подписки на журнал: 5 д. от Д. Палмера и 2 д. от меня. Я имел серьезную операцию, после которой все еще не поправился. **Г. Демьяненко.**

ОПЕМИСКА, Канада. — Дорогие товарищи, последний номер журнала "ДТП" я получил и посылаю в помощь журналу 6 д. Хочу довести до вашего сведения, что т. Коносевич находится в больнице и должен подвергнуться операции. Человек он преклонного возраста, измучен жизненной борьбой и нуждается в отдыхе. Будем надеяться, что операция пройдет успешно. **А. Ильев.**

От Редакции: Желаем нашим тт. Демяненко и Коносевичу скорого и полного выздоровления. Мы надеемся видеть их снова бодрыми и активными.

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие друзья "делотрудовцы"! Рад случаю выполнить свой долг перед вами и рабочим движением, в котором вы так бескорыстно и преданно работаете. Шлю 5 д. в фонд "ДТП" — выразителю дум и чаяний всех угнетенных и обездоленных. Журнал "ДТП" является духовной пищей трудящихся, в которой нуждается человек, живущий не одним только хлебом.
С тов. приветом **С. Дмитрук.**

КЭМБРИДЖ, Мэссачузетс. — Уважаемые товарищи! Я получил № 41-й журнала "ДТП," за что сердечно благодарю вас. Слог журнала — замечательный. С наслаждением прочел все. Каждая статья в журнале и письма читателей имеют здравый смысл. В голосе каждого автора чувствуется чистота и поучительность, направленные против всякой несправедливости, которой окутан весь мир. Такая статья, как "Один с сошкой, а семеро с ложкой," заслуживает особого внимания. Один только заголовок этой статьи говорит о том, откуда начинается корень зла и народных страданий. Если внимательно прочесть эту статью, то после прочтения, кто был слеп, должен стать зрячим, а у кого короткая память была, тот навсегда не станет забывчивым. Посылаю 1 д. подписки на № 42 журнала "ДТП" и желаю вам успехов в преодолении всех трудностей. **С. Симонов.**

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

Новая Книга Г. П. Максимова

Как мы уже отметили в предыдущем номере "ДТП," вышла из печати книга покойного т. Максимова на английском языке "Политическая Философия Бакунина." Книга снабжена предисловием профессора Чикагского университета Хозелитца, вступительным очерком Рудольфа Рокера и краткой биографией М. А. Бакунина, написанной известным историком Максом Неттлау.

Книга состоит из четырех частей. I часть: Философская; II ч. Критика существующего общества; III ч. Система Анархизма; IV ч. Тактика и методы осуществления. Она заканчивается примечаниями и алфавитным указателем.

Книга Максимова представляет большой и ценный труд, мы рекомендуем ее нашим читателям, в ней есть много интересного и поучительного. Цена 6 долларов. Заказы направляйте по адресу:

Maximoff Memorial Committee
2422 N. Halsted St., Chicago 14, Ill.

Поступили в Редакцию:

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" — 33 книга под редакцией проф. М. М. Карповича. В отделе беллетристики повести и рассказы М. Алданова, А. Величковского, Г. Газданова и Ю. Марголина. Стихи — Георгия Иванова, Марины Цветаевой и др. поэтов. Литература и Искусство — статьи В. Вейдле, Г. Кохановского, Вяч. Завалишина и др. Политика и Культура — статьи Н. Лосского, Е. Занкевича, Д. Анина, Н. Тимашева, М. Карповича и других. В большом библиографическом отделе даны рецензии разных авторов о новых книгах. Секретарь редакции — Роман Гуль. Цена книги 2 дол. Адрес редакции:

"NEW REVIEW"
223 W. 105 St., New York 25, N. Y.

Н. С. СЕМЕНОВ — "Система советской юстиции." Исследования и материалы № 2. Институт по изучению Истории и Культуры СССР. Мюнхен, 1953.

"СВОБОДА" — орган Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов из СССР. Июль, 1953. Мюнхен, Германия.

Новая книга о духоборах
С. Ф. РЫБИН

Труд и Мирная Жизнь
история духоборцев без маски.
Цель книги пролить свет и раскрепостить от заблуждений. 330 стр.
Цена 3 д. 50 ц.
С заказами обращаться к автору:

S. F. Reibin
Route 1, Box 364
Manteca, Calif.

Финансовый Отчет

Редакционной Коллегии "ДТП" с 1 апреля по 1 сентября 1953 г.

ПРИХОД

Поступило в фонд "ДТП"	$124.00
Поступило за проданные номера	43,25
Поступило на подписку	2.00
За проданные книги	2.00
Остаток с 1 апреля	205.24
Итого	$412.49

РАСХОД

Издание и экспедиция № 41 "ДТП"	$356.90
Уплочено за помещение за 4 месяца	40.00
Почтовый ящик	6.00
Почтовые марки	1.50
Итого	$404.40
Остаток на 1 сентября	8.09

Искренняя благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала за их труд и поддержку свободного слова.

Ред. Коллегия.

КАТАЛОГ КНИГ

Книга—ваш лучший друг и собеседник. Только из книг вы можете получить точные сведения об интересующих вас предметах и учениях. Мы предлагаем вниманию читателй следующий список книг:

П. А. КРОПОТКН: Хлеб и Воля	$1.50
— — Взаимная Помощь	1.00
— — Этика (в переплете)	1.25
— — (без переплета)	1.00
— — Речи бунтовщика	1.00
— — Современная наука и анархия	1.50
— — Великая Французская Революция	2.50
— — Анархия, ее философия и ее идеал	.15
М. А. БАКУНИН: Государственность и Анархия	2.00
— — Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция	1.50
— — Федерализм, Социализм и Антитеологизм	2.00
— — Политика Интернационала—Парижская Коммуна	1.50
— — Альянс и Интернационал	2.00
— — Избранные Сочинения в одном томе	1.10
Д-р П. ЭЛЬЦБАХЕР: Анархизм (в переп.)	1.50
Интернациональный Сборник—П. А. Кропоткин и его учение	1.00
ДЖ. ГИЛЬГОМ: Интернационал	1.00
Е. ВОИНИЧ: Овод. Роман из revол. жизни	1.75
ТОМАС ПЕЙН: Век Разума. Критика Библии	1.00
НОВОМИРСКИЙ: Что Такое Анархизм	.50
РАЕВСКИЙ: Анархо-Синдикализм	.25
НЕСТОР МАХНО: Русская Революция на Украине	1.00
МАКС НЕТТЛАУ: Очерки по Истории Анархический Идей (в переплете)	3.00
— — (без переплета)	2.00

Все заказы просим направлять по адресу:

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.